

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

ЗНАМЕНИТЫЕ СОБЫТИЯ
ИСТОРИИ УКРАИНЫ

1854–1856

FOLIO

Annotation

Крымская война 1854—1856 г. была вызвана извечным стремлением двух величайших империй – России и Великобритании – расширить свои сферы влияния. При этом собственные интересы они маскировали лозунгами борьбы за «великое дело свободы». Россия говорила о борьбе за права православного населения Османской империи, а союз европейских государств (сколоченный Англией и Наполеоном III) прикрывался фразами о борьбе с Николаем I – «жандармом Европы» и притеснителем Турции. Но с того момента, как союзный флот подошел к Крыму и начал военные действия на территории России, эта война стала для русского народа войной не за имперские интересы, а за Отчизну. Именно этим и объясняется тот патриотический подъем, который охватил русский флот и войска и породил массовый героизм защитников

- [Владимир Духопельников](#)
    - [Обстановка в Европе накануне вторжения англо-французских войск в Крым](#)
    - [Миссия князя А. С. Меншикова](#)
    - [Высадка союзников на Крымский полуостров. Первые сражения](#)
    - [Подготовка Севастополя к обороне](#)
    - [Начало Севастопольской обороны](#)
    - [Первая бомбардировка Севастополя](#)
    - [Балаклава и Инкерман](#)
    - [И вновь Севастополь](#)
    - [Кавказский театр военных действий](#)
    - [Парижский конгресс](#)
    - [Список литературы](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
-

Владимир Духопельников

Крымская война

«...Я был одним из первых и из самых первых, видевших приближение и рост этого страшного кризиса, – и теперь, когда он наступил и готовится охватить весь мир, чтобы перемолоть и преобразовать его, я не могу представить себе, что все это происходит на самом деле и что мы все без исключения не являемся жертвой некой ужасной галлюцинации. Ибо – больше обманывать себя

нечего – Россия, по всей вероятности, вступит в схватку с целой Европой. Каким образом это случилось? Каким образом империя, которая в течение 40 лет только и делала, что отрекалась от собственных интересов и предавала их ради пользы и охраны интересов чужих, вдруг оказывается перед лицом огромнейшего заговора? И, однако ж, это было неизбежным. Вопреки всему – рассудку, нравственности, выгоде, вопреки даже

инстинкту
самосохранения,
ужасное столкновение
должно произойти. И
вызвано это
столкновение не одним
скарредным эгоизмом
Англии, не низкой
гнусностью Франции,
воплотившейся в
авантюристе, и даже не
немцами, а чем-то более
общим и роковым. Это
— вечный антагонизм
между тем, что, за
неимением других
выражений, приходится
называть: Запад и
Восток. — Теперь, если
бы Запад был единым,
мы, я полагаю, погибли
бы. Но их два: Красный

и тот, которого он должен поплотить. В течение 40 лет мы оспаривали его у Красного – и вот мы на краю пропасти. И теперь-то именно Красный и спасет нас в свою очередь».

Федор

Тютчев.

Письмо Э. Ф.

Тютчевой. С.-

Петербург. 24

февраля

1854 г.

Обстановка в Европе накануне вторжения англо-французских войск в Крым

Действительно, Ф. Тютчев точно уловил и подметил состояние Европы в середине XIX столетия. В конце 1840-х г. во Франции, Германии, Австрии произошли революции. Российское правительство в той или иной степени принимало участие в их подавлении. С особой жестокостью российские войска подавили революцию в Венгрии, которая являлась частью Австрийской империи. Это породило в консервативных кругах Европы, в том числе и России, мнение о российском императоре Николае I, как «жандарме Европы». Английский барон Штокмар, друг и воспитатель принца Альберта, мужа королевы Виктории, в

1851 г. писал: «Когда я был молод, то над континентом Европы владычествовал Наполеон. Теперь дело выпадит так, что место Наполеона заступил русский император и что, по крайней мере, в течение нескольких лет он, с другими намерениями и другими средствами, будет тоже диктовать законы континенту». Правда, разница в положении и степени могущества между обоими императорами была огромная, и, например, тот же

Штокмар хорошо это понимал: «Во всяком случае Николай в 1851 году много слабее, чем был Наполеон в 1810 году, и должно признать, что Россия вообще страшна для континента, только если она имеет союзников на обоих своих флангах». И, по мнению того же Штокмара, Россия имела этих союзников в лице Австрии и Пруссии. Поддерживали политику Николая также консерваторы Англии и Франции, видящие в нем человека, способного бороться с революционной Европой и сохранить консервативные порядки. Так же понимал свою

задачу сохранения Европы и российский император Николай I.

Это понимание своего могущества, во многом эфемерного, породило у Николая желание осуществить давнюю мечту его бабки, Екатерины II, – установить контроль над черноморскими проливами. Такой контроль позволял избавиться от серьезной опасности со стороны Англии, не пропускать ее флот в Черное море, обезопасить все русское побережье Черного моря от обстрела кораблями любой державы, которая, с согласия Турции, пожелает громить русские приморские города. Одновременно господство над проливами открывало путь к беспрепятственному расширению русской торговли в Европе и на Ближнем Востоке.

Осуществлению планов Николая I благоприятствовала обстановка, сложившаяся в Османской империи с 30-х годов XIX ст. Против султана Махмуда II выступил паша Египта, непокорный вассал султана Мехмет-Али. Его

поддерживала Франция, надеясь получить влияние в Египте, а Англия сохраняла нейтралитет, хотя на словах и обещала помощь султану. Султан обратился за помощью к России, которая и поспешила ее оказать.

В начале апреля 1833 г. на Босфоре находилось уже двадцать русских линейных кораблей и фрегатов, а на азиатском берегу Босфора, в местечке Ункияр-Искелесси и его окрестностях, стояло больше 10 тыс. человек. Войска египетского паши ушли из Малой Азии и 26 июня (8 июля) в местечке Ункияр-Искелесси Турция и Россия подписали русско-турецкий договор на 8 лет. Договор представлял собой союзно-оборонительный международный документ. Первая статья касалась обязательств о взаимной помощи. Россия обязывалась в случае новой опасности предоставить Турции для ее защиты такое количество «войск и сил, какое обе Высокие Договаривающиеся Стороны признают нужным». В общих статьях соглашения не было речи о непосредственных обязательствах Порты.

Однако каждый международный договор подразумевает взаимную выгоду. В связи с этим была подписана секретная статья, в которой оговаривались интересы России. В случае войны Турция обязалась закрыть Дарданеллы для военных кораблей иностранных держав, помогая тем самым России в защите Черноморского побережья. Русские же военные корабли получали право свободного прохода через проливы.

Договор усилил позиции России в Турции и в то же время ослабил влияние западноевропейских государств. Это дало толчок к обострению отношений западноевропейских стран с Россией. Общие интересы Англии и Франции на Востоке заставили их на время забыть о собственных разногласиях и образовать антироссийский блок, целью которого стал пересмотр Ункияр-Искелесского договора. Уже через два месяца после подписания договора правительства Франции и Великобритании направили России ноты протеста, в которых

договор объявлялся недействительным. Европейские послы противодействовали ратификации договора и в Константинополе. Но воспрепятствовать введению в действие договора им не удалось. Мало того, российское правительство, используя противоречия, существовавшие между Австрией и Францией, пыталось сблизиться с Австрией. В сентябре 1833 г. между Россией и Австрией была подписана секретная Мюнхенгрецкая конвенция, которая давала гарантии целостности Османской империи и содержала договоренности о согласованности действий двух держав на Ближнем Востоке. Таким образом, возможность создания единого блока западных держав против России была ослаблена.

Началась долгая, изнурительная дипломатическая борьба между европейскими государствами. В ходе этой борьбы менялись союзы и союзники. Но при этом каждое из правительств прежде всего преследовало свои

собственные интересы. Наиболее успешно, пожалуй, действовала Великобритания, которая сумела ослабить египетского пашу, а вместе с ним и влияние Франции на Ближнем Востоке, а также заключить торговый договор с Турцией, открывавший широкие возможности для проникновения английских товаров на Ближний Восток. Английское правительство добилось подписания европейской конвенции о черноморских проливах, согласно которой формально запрещался проход военных кораблей европейских государств в Черное море.

В 1840–1841 гг. были заключены две Лондонские конвенции по восточному вопросу. Первая Лондонская конвенция была направлена против Египта и Франции. Ее подписали Англия, Россия, Австрия и Пруссия, которые выступали гарантами целостности Османской империи и противниками египетской независимости. Конвенция провозглашала международный принцип закрытия проливов (для военных кораблей как России, так и других

европейских государств). В силу конвенции состоялась англо-австрийская экспедиция в Сирию для приведения к покорности правителя Египта Мухаммеда-Али. Эта экспедиция нанесла удар по стремлению Мухаммеда-Али к независимости, подорвала французское влияние на Ближнем Востоке и помогла Англии там утвердиться.

После окончания кризиса в 1841 г. все великие державы и Турция подписали вторую Лондонскую конвенцию, целиком касающуюся судоходного режима Босфора и Дарданелл. Судоходство в проливах ставилось под международный контроль и был провозглашен принцип закрытия проливов для военных кораблей всех европейских держав. Подписание этой конвенции показало, что Турция уже была не в состоянии самостоятельно контролировать проливы. Одновременно конвенция отменяла и Ункьяр-Искелесский договор, лишая Россию права регулировать свои взаимоотношения с Турцией путем двусторонних актов и надолго

изолировав российский флот в черноморском бассейне. Эта конвенция, кроме того, не обеспечивала и безопасности южных границ Российской империи. В случае войны России с Турцией последняя могла открыть проливы для военных кораблей западных государств. Кроме того, международная гарантия режима проливов лишала Россию ее преимущества в Турции и ослабляла ее влияние на Ближнем Востоке.

Россия в этот период сохраняла свое влияние в Сербии, Черногории, Болгарии. Сохранение статус-кво на Балканах, укрепление влияния в Сербии, Черногории и Болгарии, расширение торговых связей с Турцией и, наконец, укрепление православной церкви на Востоке – таковы были основные задачи царской дипломатии в середине XIX столетия. В 1846 г. Российская и Османская империи заключают между собой торговый договор, который имел для России скорее политическое, чем экономическое значение. Этот договор полностью устраивал Турцию. Султан

потребовал от европейских государств пересмотра торговых соглашений на основе русско-турецкого торгового договора.

Казалось бы, мир был восстановлен, решать проблемы стало возможным за столом переговоров. Но в это время европейские страны потрясли революционные события. Произошли восстания и в Дунайских княжествах, которые на время ослабили противоречия между Россией и Турцией. Восстания в этих землях дали повод обеим странам ввести в Дунайские княжества свои войска. Совместными действиями войска подавили беспорядки и восстановили старый порядок в княжествах. После этого под давлением европейских государств Россия и Турция сели за стол переговоров, которые проходили в сложной обстановке. Англия и Франция решительно требовали вывода русских войск из княжеств. А Турция делала все возможное, чтобы укрепить там свои позиции. «Мы испытываем на себе, – писал К. В.

Нессельроде^[1], – как турецкое министерство и его агентура активно действуют в Молдавии и Валахии, ища средства подорвать там русское влияние». Все предложения российского представителя по урегулированию противоречий между Россией и Турцией Порты, надеясь на поддержку западноевропейской дипломатии, отвергла.

Однако революционные события в Европе конца 1840-х годов сделали Турцию и европейские страны более сговорчивыми. 1 мая 1848 г. Россия и Турция подписали Балта-Лиманскую конвенцию сроком на семь лет. Ее статьи определили новый регламент управления Молдавией и Валахией. Господари этих княжеств теперь назначались не пожизненно, а на семилетний срок, собрания бояр были упразднены. В конвенции было юридически подтверждено право России на оккупацию этих территорий, причем она могла вводить свои войска в Молдавию даже без согласования с турецким правительством. «Союз, заключенный

нами на семь лет, – констатировало российское правительство, – определяет и закрепляет прямое наше участие во всем, касающемся управления и внутреннего быта княжеств». В княжества были назначены новые господаи прорусской ориентации. Русская оккупация княжеств продолжалась до 1851 года.

Но как только спала революционная напряженность в Европе, восточный вопрос вновь занял центральное место в международных отношениях. Российское правительство, неудовлетворенное коллективной гарантией режима черноморских проливов, зафиксированной в лондонской конвенции, поставило перед собой цель пересмотреть конвенцию и вернуть утраченные позиции. Англия и Франция, опасаясь усиления России, стремились укрепить свои позиции на Ближнем Востоке. Турция, опираясь на поддержку Англии и Франции, тоже строила планы по ослаблению влияния России на Балканах.

Желание европейских государств, и прежде всего Великобритании и Франции, не допустить усиления России на Ближнем Востоке привело их к созданию союза, который фактически оформился уже в конце 1849 – начале 1850 г. (Формальный союз против России был заключен лишь в марте 1854 г.) Этот союз, не зафиксированный в официальных дипломатических документах, выражался во многих совместных акциях, предпринимаемых Великобританией и Францией на Ближнем Востоке.

Так, в 1849 г., когда Россия потребовала от турецкого правительства выдать польских и венгерских повстанцев, участников революции в Австрии, то турецкое правительство не только отказалось их выдать, но указом султана присвоило одному из них звание паши. Одновременно турецкое правительство обратилось к Англии с просьбой поддержать его действия. В Левант (общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного

моря) немедленно прибыла объединенная англо-французская эскадра. «Присутствие военно-морских сил Англии и Франции в Леванте, — отмечал министр иностранных дел России К. В. Нессельроде, — осложнило русско-турецкие сепаратные переговоры, явилось прямым вызовом чести и независимости России и сделало обстановку чрезвычайно напряженной».

Но этот демарш Англии и Франции не возымел успеха. Россия не отказалась от своих требований к Турции. Тогда англичане ввели свою эскадру в Дарданеллы, чем нарушили существовавшие договоренности о проливах. Российское правительство потребовало объяснений по поводу таких действий. К. В. Нессельроде заявил в беседе с английским послом, что «вмешательство Англии было крайне бестактным, а ее попытка посредничества — безосновательной с точки зрения международного права». Нота, направленная Турции, содержала угрозы. В ней Россия провозглашала свое право захвата

Босфора одновременно с появлением кораблей западноевропейских держав в Дарданеллах. Кризис закончился компромиссом: Англия извинилась за свои действия, Россия перестала настаивать на выдаче повстанцев. В то же время эти события показали, что все предшествующие договоры европейских государств о проливах не предоставляют России никаких гарантий закрытия проливов и безопасности Черноморского побережья, но ограничивают деятельность ее правительства при решении Восточного вопроса.

Толчок к очередному кризису положило восстание, вспыхнувшее против британского владычества на Ионических островах в 1848–1849 гг. Английское правительство Пальмерстона в ультимативной форме потребовало от Греции публичного и официального отказа от этих территорий, а также от островов Серви-Сапиенца. На этот ультиматум Греция должна была дать ответ в течение 24 часов. Эскадра адмирала Паркера

вошла в Саламинскую бухту (напротив Афин), наложила эмбарго на торговые суда и блокировала греческое побережье. Правительство Греции обратилось к России и Франции с просьбой о посредничестве. Но английское правительство, отвергнув посредничество России, сочло возможным сотрудничать только с Францией. Это позволило Англии добиться удовлетворения всех своих требований.

Вскоре снова возник новый общеевропейский конфликт, поводом к нему послужили споры России и Франции о привилегиях православной или католической церкви на территории Османской империи.

Франция на Лондонской конференции 1841 г. заявила о своем праве покровительства христианскому населению. В начале 1840-х г. французское правительство совместно с римской курией всячески способствовало укреплению престижа католической церкви на Востоке, «добиваясь всевозможными интригами

исключительного протектората над католическим населением этой страны», – сообщали резиденты в Петербург. В 1847 г. французское правительство без согласования с правительством султана направляет в Иерусалим католического кардинала. Это породило серьезное недовольство России. В следующем году римская церковь при содействии Франции предприняла новые шаги, вызвавшие крайнее раздражение российского правительства: папа Пий IX обратился к населению Ближнего Востока со специальным посланием, призывая его перейти в католическую веру.

К этому же времени относится публикация в Париже брошюры А. Боре, в которой автор призывал правительство бороться за передачу католической церкви Гроба Господня и настаивал на новом крестовом походе в Иерусалим. 28 мая 1850 г. французский посол в Турции потребовал от турецкого султана Абдул-Меджида гарантированных старыми трактатами

преимущественных прав католиков на храмы как в Иерусалиме, так и в Вифлееме. Французский посол в Константинополе Лавалетт 18 мая 1851 г. вручил турецкому султану письмо президента, в котором Луи-Наполеон (будущий император Наполеон III) категорически настаивал на соблюдении всех прав и преимуществ католической церкви в Иерусалиме. Президент подчеркивал, что права католиков на обладание Гробом Господним в Иерусалиме основываются на том, что крестоносцы завоевали Иерусалим еще в конце XI в. Франция в своих спорах ссылалась на трактат 1740 года.

Усиление влияния западноевропейских государств и, прежде всего, Франции на Ближнем Востоке заставило царское правительство искать новые формы воздействия на правительство Турции для сохранения своего влияния в империи. Тем более для этого у России был более веский аргумент – Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. Россия, в

противовес Франции, выдвинула требование о своем праве покровительства православному христианскому населению Османской империи. «Одной из наиболее трудных проблем нашей политики, – писал министр иностранных дел России, – является сочетание поддержки авторитета и власти султана с покровительством христианскому населению, томящемуся под мусульманским игом». Считая православную церковь на Востоке надежным проводником своей политики, Россия делала все возможное для ее укрепления. Николай I лично жертвовал значительные суммы православным общинам на Востоке. Посланник в Константинополе В. П. Титов и генеральный консул в Бейруте К. М. Базили располагали крупным денежным фондом для поддержки православного духовенства. Главное внимание было обращено на Иерусалим. В 1847 г. там была учреждена русская православная миссия во главе с архимандритом Порфирием для связи правительства и Синода с иерусалимским

патриархом. В конце 40-х – начале 50-х годов XIX в. продолжалось строительство новых и ремонт старых монастырей и церквей на Востоке. Было открыто несколько духовных училищ. Эти действия привели к значительному усилению влияния православной церкви на христианское население Востока и укреплению престижа России. К этому времени относятся и первые споры между католиками и православными о праве ремонта купола Вифлеемского храма.

На ссылку Луи-Наполеона на крестовый поход русский посол в Турции Титов ответил особым меморандумом, поданным великому визирю. В меморандуме говорилось, что еще задолго до крестовых походов Иерусалимом владела православная греческая церковь. Титов выдвигал и другой аргумент: в 1808 г. церковь Гроба Господня почти целиком сгорела, а отстроена была исключительно на деньги, собранные православными как в России, так и среди православного населения Османской

империи. Но французский посол оказался «проворнее» русского и убедил турецкий диван в том, что претензии русских гораздо более опасны для Турции, нежели претензии французов. Султан согласился с этими доводами. «Франция – единственная страна, – писал К. В. Нессельроде, – которая продолжает как в Европе, так и на Востоке заявлять о той угрозе, которая существует со стороны России в Османской империи».

Если внимательно рассмотреть эти споры, мы убедимся в том, что спор шел не из-за права верующих молиться в этих храмах: этого ни католикам, ни православным никто не запрещал, а из-за того, какому из государств – России или Франции – достанется право влиять на политику Турции. (Дискуссии по этому поводу между Россией и Францией велись с мая 1851-го до мая 1853 года.)

Религиозная оболочка русско-французских противоречий не могла скрыть их ярко выраженного политического характера. Борьба

за преобладание православной или католической церкви на Востоке, которую вели державы, стала предвестником новых, более острых конфликтов.

И хотя уже тогда многим представлялся архаичным спор дипломатов о том, каким священникам – католикам или православным – возносить молитвы Господу в алтаре и какому правительству – российскому или французскому – чинить крышу иерусалимского собора, на деле все обстояло не так просто. Общность веры духовно связывала народы России и Балкан. После победоносной войны с Турцией конца XVIII ст. Россия приобрела право покровительства не грекам, румынам, сербам и болгарам как таковым, а единоверцам – православным, иная формула была просто неприемлема для турецкой стороны и практически недостижима. Высокая Порта, как тогда именовалось султанское правительство, сочла бы недопустимым вмешательство в свои внутренние дела. Уступить в споре о Святых

местах, капитулировать перед католиками означало для Николая I признать перед всем православным Востоком свою слабость. В конце концов отказ от права на покровительство «турецким христианам» означал для Петербурга потерю важнейшего рычага воздействия на балканские дела.

В начале 1853 г. дипломатический мир был взбудоражен вестью об откровениях, которые позволил себе Николай I в беседах с английским послом в России сэром Гамильтоном Сеймуром. В беседе, состоявшейся 9 января 1853 г., царь поднял свою излюбленную тему о неминуемом распаде Османской империи. Он заявил: «Турция – больной человек. Нужно все предвидеть, даже распадение Османской империи». Далее царь продолжил: «Англии и России следует заблаговременно договориться, чтобы события не застали их врасплох», – и призвал англичан заранее прийти к соглашению о будущей судьбе ее наследства. При этом он говорил, что сам на земли Турции не

претендует. «Для меня, – сказал Николай I, – было бы неразумно желать больше территории или власти, чем я обладаю». Обращаясь к послу Англии, Николай I подчеркнул: «Теперь я хочу говорить с вами как друг и как джентльмен. Если нам удастся прийти к соглашению – мне и Англии, – остальное мне неважно, мне безразлично то, что делают или сделают другие. Итак, говоря откровенно, я вам прямо говорю, что если Англия думает в близком будущем водвориться в Константинополе, то я этого не позволю. Я не приписываю вам этих намерений, но в подобных случаях предпочтительнее говорить ясно. Со своей стороны я разным способом расположен принять обязательство не водворяться там, разумеется, в качестве собственника: в качестве временного охранителя – дело другое. Может случиться, что обстоятельства принудят меня занять Константинополь, если ничего не окажется предусмотренным, если нужно будет все предоставить случаю». Развивая свою

мысль, царь подчеркнул, что ни русские, ни англичане, ни французы, ни греки не завладеют Константинополем. Заканчивая свою речь, царь заявил: «Я никогда не допущу этого... Еще меньше я допущу распадение Турции на маленькие республики».

Одновременно царь предложил правительству Великобритании следующий план возможных совместных действий. Царь говорил: «Дунайские княжества (Молдавия и Валахия) образуют уже и теперь фактически самостоятельные государства под моим протекторатом. Это положение будет продолжаться. То же самое будет с Сербией; то же самое с Болгарией. Что касается Египта, то я вполне понимаю важное значение этой территории для Англии. Тут я могу только сказать, что если при распределении оттоманского наследия после падения империи вы завладеете Египтом, у меня не будет протеста против этого. То же самое я скажу и о Кандии (остров Крит). Этот остров, может быть,

подходит вам, и я не вижу, почему ему не стать английским владением». На прощание царь сказал послу: «Я доверяю английскому правительству. Я прошу у них не обязательств, не соглашения: это свободный обмен мнений и, в случае необходимости, слово джентльмена. Для нас это достаточно».

Но эти предложения Николая I в Лондоне восприняли резко отрицательно, хотя понадобилось еще несколько месяцев, чтобы Англия высказала свою позицию в отношении планов российского императора. На предложение российского царя ответил министр иностранных дел Великобритании Джон Рассел. В своем письме он прежде всего отверг мнение Николая I о том, что Турции угрожает серьезный кризис и что она близка к разрушению. В этой связи, считал министр, нет никакой необходимости заключать соглашение. Затем, переходя к спору о Святых местах, английский министр выражал мысль, что этот спор вовсе не касается Турции, а касается только России и

Франции.

В то же самое время, почти в те же дни, когда Николай I в Петербурге разговаривал с английским послом Сеймуром, французский император Наполеон III собственноручно писал письмо бывшему министру иностранных дел Англии лорду Мэмсбери: «Мое самое ревностное желание поддерживать с вашей страной, которую я всегда так любил, самые дружеские и самые интимные отношения». На это Мэмсбери ему отвечал: «Пока будет существовать союз Англии и Франции, обе эти страны будут всемогущи». В феврале 1853 г. министр иностранных дел Англии лорд Кларендон заключает секретное соглашение с французским послом в Лондоне графом Валевским о том, что обе державы не должны ничего ни говорить, ни делать в отношении восточного вопроса без предварительного соглашения. «Мы заключили наш союз, — пояснял Валевский, — как для переговоров, так и имея в виду возможность войны».

Николай не собирался отступать от одного из главных правил российской политики – вести курс на создание в Юго-Восточной Европе национальных государств. По поводу будущего балканских народов царь писал: «...все христианские области Турции по необходимости станут независимыми, вновь станут тем, чем были, княжествами, христианскими государствами, и как таковые, вернутся в семью христианских стран Европы. Гарантию свободного отправления религии, их организации, их отношений между собой и соседями – все это следует урегулировать на чрезвычайном конгрессе, предположительно в Берлине». Но британцы настаивали на целостности Османской империи, преследуя при этом, конечно же, свои цели.

В январе 1853 г., когда царь вел свои беседы с послом Великобритании, а российский посол беседовал с премьер-министром Англии, посланец султана сообщил в Иерусалиме католическому и православному духовенству,

какие реликвии поступают отныне в ведение католиков, а какие в ведение православных.

Католическая серебряная звезда (с отчеканенным французским гербом) с большой торжественностью была водружена в Вифлееме в пещере, у входа в нишу, где, по легенде, были ясли новорожденного Христа. Столь же торжественно католикам передавались ключ от главных ворот церкви Гроба Господня в Иерусалиме и ключ от восточных и северных ворот Вифлеемской церкви. Французское посольство, весь его штат, сделали все от них зависящее, чтобы это событие стало демонстрацией полного торжества Франции над Россией.

Действия турецкого правительства в отношении Святых мест вызвали гнев Николая I и возмущение православного духовенства и верующих. И российское правительство принимает решение предъявить Турции ультиматум, заставить турецкое правительство подписать предложенный Россией

международный акт, который бы фиксировал право России на покровительство единоверцам, что давало бы возможность петербургскому посланнику в Турции «делать представления в пользу церкви Константинополя и других мест». Со своей стороны турецкое правительство должно было взять на себя обязательство «перед императорским российским двором сохранять и уважать права православной греческой церкви в Святых местах Иерусалима и его окрестностях».

Однако в Европе хорошо понимали, что под религиозным покровом российское правительство скрывало планы политического воздействия на православных, составляющих большинство населения Балкан, одновременно ограничивая здесь власть и авторитет Османской империи. Это вызвало в Европе новую волну возбуждения. Пресса Англии, Франции и других европейских стран распространила тревожный слух: «Николай готовится к войне». Но отступить от принятого

решения Николай I не собирался.

Миссия князя А. С. Меншикова

Рубикон был перейден в начале февраля 1853 г. К отправке в Константинополь готовилось специальное посольство. Министр иностранных дел Российской империи граф Карл Васильевич Нессельроде предложил царю направить в Стамбул с чрезвычайной миссией известных своим опытом, проницательностью и тактом П. Д. Киселева и А. Ф. Орлова. Однако оба отклонили предложенную им сомнительную честь. Выбор царя пал на морского министра, князя А. С. Меншикова, человека образованного и остроумного, но крайне поверхностного, готового, при удобном случае, применить тактику силового давления.

О способности вести переговоры такого рода сам князь писал в письме начальнику штаба австрийской армии следующее: «Я тут должен заниматься ремеслом, к которому у меня очень

мало способностей, а именно: ремеслом человека, ведущего с неверными переговоры о церковных материях». И добавлял: «Я питаю надежду, что это для меня будет последним актом деятельности в моей очень полной впечатлениями жизни, требующей покоя».

А. С. Меншиков получил строгие инструкции: подписать секретную конвенцию, которая бы поставила Турцию под защиту России; в крайнем случае подписать документ, в котором бы султанский двор признал права российского императора как верховного защитника православного населения Османской империи. Очевидно, что подобное развитие событий сделало суверенитет Турецкой империи призрачным.

Одновременно с подготовкой посольства Меншикова с 10 февраля 1853 г. в России начали проводиться мероприятия по частичной мобилизации войск и развертыванию их в юго-западном направлении. Николай I обратился к главнокомандующему действующей армии И. Ф.

Паскевичу и военному министру с запиской по поводу развертывания войск. К этому времени регулярные войска России были сведены в шесть армейских корпусов единого состава. Корпуса с 1-го по 4-й составляли действующую армию, развернутую в западном направлении; 5-й корпус располагался на юге Подолья и в Новороссии, 6-й – базировался в центральных губерниях. Оба эти корпуса, вместе с резервными кавалерийскими, подчинялись военному министру и составляли стратегический резерв действующей армии. В окрестностях Петербурга располагались гвардия и гренадерский корпус, подчиненные особому командующему. Отдельные корпуса – Кавказский, Оренбургский, Сибирский – и войска, размещенные в Финляндии, имели свой состав и структуру и подчинялись наместнику на Кавказе и соответствующим генерал-губернаторам. Для большой европейской войны в основном предназначались именно армейские корпуса при поддержке гвардии и резервных

кавалерийских корпусов.

В феврале 1853 г. привели в боевое состояние и развернули в сторону Турции еще два армейских корпуса. Вместе с 5-м корпусом, 5-й легкой кавалерийской дивизией и частями усиления они образовывали группировку войск численностью почти в 200 тысяч.

11 февраля 1853 г. А. С. Меншиков выехал из Петербурга. Его путь лежал через Бессарабию, где в Кишиневе располагался штаб 5-го армейского корпуса. Затем князь отправился в Севастополь. Здесь он произвел смотр Черноморскому флоту, а затем с громадной свитой сел на военный пароход «Громоносец» и отплыл в Константинополь. В свите князя находились начальник штаба 5-го армейского корпуса генерал Непокойчицкий и вице-адмирал Корнилов^[2], начальник штаба Черноморского флота.

А. С. Меншиков вез с собой проект желательной царю конвенции с Турцией и проект секретного соглашения на случай, если

бы «какая-либо европейская держава» задумала препятствовать султану выполнить свои обещания, данные царю. В этом случае Россия обязывалась прийти на помощь Турции морскими и сухопутными силами. Одновременно российское правительство направило письмо австрийскому императору. В письме сообщалось, что царь хочет воевать либо «в союзе с Турцией против Наполеона III, либо в союзе с Австрией против Турции». Первый вариант представлялся правительству России более перспективным, поскольку при его осуществлении царь рассчитывал на поддержку своих «верных союзников» – Австрии и Пруссии. Как бы там ни было, осуществление обоих вариантов вело к разгрому и разделу Османской империи. При этом значительная часть земель империи доставалась России.

28 февраля 1853 г. «Громоносец» прибыл в Константинополь. Начались длительные, трудные переговоры. 4 (16) марта А. С. Меншиков вручил министру иностранных дел

Турции ноту, в которой выдвигалось требование к султану отказаться от некоторых сделанных им уступок католикам. Через неделю он повторил свои требования, заявив, что «требования императорского (российского) правительства – категоричны». Через два дня князь вновь, в более резкой форме, заявил, что турецкое правительство своими действиями оскорбляет российского императора, а в совете султана постоянно выступают «против предложений нашего государя». А. С. Меншиков требовал «быстрой и решительной сатисфакции и исправления всех обид». Министру иностранных дел Турции он вручил проект конвенции, в которой четко говорилось об установлении полного контроля России над Святыми местами и православным населением Османской империи.

Турки, получив проект конвенции, активизировали свои консультации с послами Великобритании и Франции. В ходе этих консультаций они пришли к выводу, что

Великобритания и Франция не оставят их один на один с Россией.

Наполеон III, когда узнал о ноте царя к турецкому правительству, созвал совет министров. На совете рассматривался вопрос о действиях Франции в этих условиях. Император настаивал на посылке морской эскадры к архипелагу в непосредственной близости от Турции. Но большинство министров выступало против этого, поскольку не была ясна позиция Англии. Тогда выступил министр внутренних дел Персиньи. Он заявил: «Когда я слушаю то, о чем тут в совете говорится, у меня является искушение спросить себя, в какой стране и при каком правительстве мы живем?» Отвечая на свой вопрос, Персиньи вполне откровенно обосновывал необходимость войны с Россией не спором о Святых местах и не необходимостью спасти Турцию, а прежде всего соображениями внутренней политики: «Франция, — продолжал министр, — будет унижена в глазах света, если по слабости,

которой имени нет, мы позволим России простереть руку над Константинополем, и это в то время, когда государь, носящий имя Наполеона, царствует в Париже, тогда нам нужно дрожать за Францию, нам нужно дрожать за императора и за нас самих, потому что никогда ни армия, ни Франция не согласятся с оружием в руках присутствовать при этом позорном зрелище!» Далее министр заявил, что вся Европа будет сочувствовать действиям Франции. Не останется в стороне и Англия. «Когда речь идет об Англии, – говорил Персиньи, – какое значение может иметь мнение какого-либо министра, даже мнение первого министра, даже мнение королевы?.. Большая социальная революция совершилась в Англии. Аристократия уже не в состоянии вести страну согласно своим страстям или своим предрассудкам. Аристократия там является еще как бы заглавным листом книги, но сама книга – это великое индустриальное развитие, это лондонское Сити, это буржуазия, во сто раз

более многочисленная и богатая, чем аристократия!» А буржуазия единодушно противится русскому захвату: «В тот день, как она узнает, что мы готовы остановить поход русских на Константинополь, она испустит радостное восклицание и станет рядом с нами!»

Речь министра понравилась императору. Он заявил: «Решительно, Персиньи прав. Если мы пошлем наш флот в Саламин (остров в заливе Сароникос в Эгейском море), то Англия сделает то же самое, соединенное действие обоих флотов повлечет соединение также обоих народов против России». Наполеон III обратился к морскому министру и произнес: «Господин Дюю, сейчас же пошлите в Тулон телеграфный приказ флоту отправиться в Саламин». 23 марта 1853 г. французский флот отплыл из Тулона в указанном направлении.

В Турции Меншиков вел себя высокомерно. Переговоры с турками проходили тяжело. Турецкий визирь убеждал своих российских собеседников: «Во имя Господа будьте умерены,

не доводите нас до крайности: вы заставите нас броситься в объятия других; предпримем усилия для достижения доброго согласия между двумя суверенами. Разве этого можно достичь с помощью насилия?» Он советовал «отказаться от идеи договора, и тогда все можно устроить».

23 апреля (5 мая) 1853 г. А. С. Меншиков получил два подписанных султаном фирмана, касающихся Святых мест. Но эти документы не удовлетворили посла. В тот же день он направил новую ноту турецкому правительству. В ней он указывал, что требования российского правительства в фирманах не удовлетворены. В них отсутствуют «гарантии на будущее время», а это «составляет главный предмет забот его величества императора» (Николая I). В своей ноте

А. С. Меншиков настаивал на заключении договора между царем и султаном и на том, что договор должен закрепить международно-правовые обязательства султана перед царем и давать последнему право вмешательства в дела

«исповедующих православный культ» (а это составляло приблизительно половину населения Османской империи). А. С. Меншиков требовал ответа у турецкого правительства на свою ноту не позже 10 мая. В противном случае он грозил разрывом дипломатических отношений и своим отъездом из Константинополя.

Английское правительство в это время продолжало вести собственную дипломатическую игру и до поры до времени не торопилось посылать свой флот к берегам Турции. Английские дипломаты продолжали убеждать российского царя в своей лояльности. Тем временем 5 апреля 1853 г. в Константинополь прибыл новый посол Великобритании лорд Стратфорд-Редклифф. Сложилось положение, при котором формально Меншикову приходилось иметь дело с турками и французами, а по сути – с британским послом. Именно он разработал тактику переговоров с русскими. Туркам он рекомендовал держаться с русскими предупредительно и примирительно

во всем, что касалось службы в храмах, и четко отделить сугубо религиозные дела от политических. Не забывал дипломат и о том, что необходимо «подогреть» общественное мнение в своей стране против России. Он не остановился перед прямой фальсификацией документов, представленных Россией Турции. Например, вместо слов «делать представления» (перед турецкими властями), как значилось в проекте русско-турецкой конвенции, он в переводе на английский язык написал: «давать приказы», исказив смысл и способствуя разжиганию воинственных настроений в Великобритании.

Итак, посол советовал турецкому правительству уступать требованиям Меншикова, если они касались пунктов о Святых местах. Вместе с тем, далее следовали рекомендации не соглашаться на то, чтобы эти уступки были выражены в форме сенеда – соглашения султана с Николаем I, т. е. документа, имеющего международно-правовое значение, и чтобы формулировка этих уступок не

заклучала в себе право царя вмешиваться в отношения между султаном и его православными подданными.

Турецкое правительство, получив очередную ноту А. С. Меншикова с ультимативными требованиями, снова обратилось за консультациями к послу Великобритании. Стратфорд-Редклифф в очередной раз повел искусную игру. Суть ее сводилась к тому, чтобы убедить российского посла в том, что Англия вовсе не собирается помогать туркам в случае войны с Россией; и при этом внушить турецкому султану и его министрам, что Англия и Франция их не оставят и что уступать Меншикову — означает для Турции отказ от своего государственного суверенитета. Что же касается премьер-министра Великобритании, то Стратфорд изображал, что делает будто бы все от него зависящее, чтобы предотвратить разрыв между Турцией и Россией. Можно сказать, что игра посла Великобритании удалась.

Меншиков попался в хорошо расставленные сети. С некоторой растерянностью он писал: «Дело о Святых местах соглашено между французским послом, Портою и мною, нужные для этого фирманы изготовляются». На самом деле все дальнейшие переговоры проходили под надзором британского посла, и все даваемые им великому визирю Решид-паше «советы» (инструкции) неукоснительно выполнялись. Следуя им, турки не отступали ни на йоту и наотрез отказывались принимать какие-либо обязательства перед Россией.

Отступить пришлось Меншикову: его последние демарши содержали лишь просьбу о сохранении «на основе строгого статус-кво» прав и привилегий православной церкви. Никакого международного акта при этом не требовалось, достаточно было заверения турецкой стороны в обычной дипломатической ноте. Но как раз этого и не желала Порта, охотно внимавшая британскому послу, стремившемуся «превратить вопрос из русского в

общевропейский» и отменить старое правило, которого неуклонно придерживалась российская дипломатия, – решать дела с Турцией один на один, не допуская вмешательства посторонних. А в европейской политике Россия всегда пребывала в полном одиночестве по восточному вопросу. «Европеизация» проблемы означала вытеснение Петербурга из региона и полновластное владычество здесь Великобритании. В конечном счете Большой совет Османской империи отверг предложения Меншикова, предусматривающие сохранение прежних формулировок о покровительстве христианам со стороны России. Порта соглашалась принять на себя обязательства лишь в отношении строительства русской церкви и странноприимного дома при ней в Иерусалиме. Сопревание дипломатов Великобритании, Франции, Австрии и Пруссии одобрило позицию Турции в этом вопросе. Так впервые обозначилась опасность формирования антироссийской коалиции. А. С. Меншиков

объявил о разрыве дипломатических отношений с Турцией и 21 мая покинул Константинополь.

А между тем к этому времени ряд европейских стран разработали около 12 проектов мирного урегулирования конфликта. Самый значительный из них – так называемая Венская нота, разработанная уполномоченными Франции, Великобритании и Австрии в столице Габсбургской монархии Вене. По этому акту султан подтверждал свою верность букве и духу положений Кючук-Кайнарджийского (1774) и Адрианопольского (1829) договоров о покровительстве христианской религии. Контроль за выполнением Турцией этих условий государства, предложившие проект, брали на себя. Россия же в этом случае выпускала из своих рук право покровительства православным в Османской империи. В этом и заключался смысл ноты – глава Форин-оффис лорд Кларендон с удовлетворением констатировал, что европейские державы превращались в «рефереры» в русско-турецких

спорах. В Петербурге поспешили согласиться с Венской нотой. Но британский посол в Турции убедил Решид-пашу удалить из текста ноты всякое упоминание о причастности России к покровительству православным и приписать заботу о них исключительно благожеланию султанского величества.

Николай I, потерпев дипломатическое фиаско, решил снова прибегнуть к угрозам и 20 июня 1853 г. приказал войскам занять Дунайские княжества – Молдавию и Валахию, входившие тогда в состав Османской империи.

Решение о силовом давлении на Турцию в российском правительстве не исключалось и раньше, но в 20-х числах марта император счел десант на Босфор рискованным. В то же время Николай I от него до конца не отказался и распорядился постепенно наращивать на границе количество войска, не исключая последующего введения части этих войск в Дунайские княжества. В случае активизации боевых действий русский флот должен был

высадить десант в районе Бургас – Варна. Одновременно рассчитали время, необходимое для окончательного укомплектования и формирования 4-го корпуса генерала Данненберга. По расчетам штаба действующей армии на это требовалось от 15 до 45 суток. Различные его подразделения должны были быть готовы к выдвигению в район границы между 8 апреля и 10 мая. Выдвижение войск планировалось начать со второй декады апреля. В этом случае дивизии 4-го корпуса обязаны были вступить на территорию Дунайских княжеств к началу июня. На освобождаемые квартиры начинал выдвигаться 3-й корпус, на что ему отводилось от 32 до 48 дней. К началу июня войска были готовы, и после весенних дипломатических маневров 21 июня 1853 г. передовой отряд генерала Анрепа перешел Прут в районе Скулян. В течение двух недель территория Дунайских княжеств была занята русскими войсками.

Турция в последней декаде июня 1853 г.

получила от английского и французского послов подтверждение возможного ввода их эскадр в Дарданеллы в случае появления российского флота вблизи Босфора. Одновременно правительство Турции направило в европейские столицы, в том числе и Петербург, ноту, в которой говорилось, что правительство берет на себя обязательство соблюдать права православных подданных. Одновременно правительство обращалось к европейским странам гарантировать эти обязательства перед Россией. Но российское правительство отвергло предложенные турецким правительством условия переговоров. В начале сентября 1853 г. К. В. Нессельроде разъяснил, что в Петербурге в рамках Венской ноты ждут реального признания права России на защиту православного населения Османской империи.

Турецкое правительство, получив такой ответ из России, 25 сентября 1853 г. созвало совещание высших сановников. На совещании было принято решение прекратить бесконечные

переговоры и объявить России войну. Через несколько дней в стране обнародовали султанскую грамоту, в которой говорилось, что Порта сделала все возможное для решения конфликта о Святых местах, но она не может согласиться на такое толкование Кючук-Кайнарджийского договора, которое позволило бы России вмешиваться во внутренние дела Турции. Султан требовал, чтобы русские войска в 15-дневный срок покинули Дунайские княжества. Этот ультиматум командующий турецкими войсками Омер-паша передал командующему российскими войсками М. Д. Горчакову 4 октября 1853 г. Одновременно турецкое правительство обратилось в посольства Англии и Франции с просьбой ввести свои эскадры в Мраморное море, что позволяло западным государствам оперативно вмешиваться в развитие событий. Вместе с тем эти государства делали вид, что ищут путей к миру, но военная машина уже набирала ход.

И 2 ноября 1853 г. в России был

обнародован царский манифест о начале войны с Турцией. Николай I, объявляя войну Турции, еще сохранял надежду на мирное урегулирование конфликта и на то, что Англия и Франция не введут свои эскадры в Черное море. Рассчитывал он и на нейтралитет Австрии и Пруссии. Возможно, такое восприятие международной обстановки и побудило российского императора начать активные боевые действия против Турции на Черном море. Необходимость активных действий обуславливалась также тем, что Турция начала перебрасывать свои войска на территорию Грузии, в район действий имама Шамиля.

Черноморская эскадра под командованием контр-адмирала Павла Степановича Нахимова, чтобы воспрепятствовать переброске турецких войск на Кавказ, вышла на патрулирование в море. В это время турецкая эскадра под командованием Осман-паши вышла из Константинополя и направилась в сторону Кавказа. На кораблях находился турецкий десант

в несколько тысяч человек, готовый высадиться на берег в районе Сухуми и Поты. Турецкая эскадра, состоявшая из 7 фрегатов, 3 корветов, 2 параходофрегатов, 2 бригав и 2 военных транспортов (510 орудий), остановилась на рейде турецкого порта Синоп. Эскадра находилась под прикрытием 38 орудий береговой артиллерии.

Русская эскадра (6 линейных кораблей и 2 фрегата, всего 720 орудий) заблокировала турецкую эскадру с моря. П. С. Нахимов решил атаковать и разгромить турецкую эскадру непосредственно в бухте. Его замысел сводился к тому, чтобы быстро в двухкильватерном строю ввести свои корабли на рейд Синопской бухты, поставить их на якорь и атаковать противника всей артиллерией.

Сражение началось 18 (30) ноября 1853 г. в 12 часов 30 минут и продолжалось до 17 часов. Первыми открыли огонь по русской эскадре, входившей на Синопский рейд, турецкие корабли и береговая артиллерия, но достичь

успеха не смогли.

Русские корабли заняли удобные позиции и открыли ответный огонь. Через полчаса турецкий флагманский корабль и один из фрегатов, объятые пламенем, выбросились на мель. Затем были подожжены или повреждены остальные турецкие корабли, подавлены и уничтожены береговые батареи. В сражении турки потеряли 15 из 16 кораблей и свыше 3 тыс. человек убитыми и ранеными. В плен попало около 200 человек, в том числе Осман-паша и командиры трех кораблей. Лишь один из турецких пароходов («Таиф»), которым командовал английский советник Осман-паши, смог вырваться и уйти в открытое море. А русские в этом бою потеряли 37 человек убитыми и 235 были ранены, почти все корабли получили серьезные повреждения.

Разгром турецкой эскадры значительно ослабил морские силы Турции и сорвал ее планы по высадке войск на побережье Кавказа. В то же время победа России при Синопе

вызвала недовольствие европейских стран. Желаемый предлог для развязывания европейского конфликта был налицо. Европейские державы получили повод обвинить Петербург в нарушении взятых на себя обязательств. Ведь турецкая эскадра была расстреляна в собственной бухте. При этом взрывы кораблей и бомбы черноморских линкоров вызвали пожары в городе. Положение усугубилось и неуклюжими попытками России доказать право на подобные действия вопреки прежним заявлениям. Синоп тотчас же сделал угрозу войны России с коалицией европейских держав вполне реальной.

На Балканах с лета 1853 г. складывалось своеобразное положение. После того как в июле российские войска вошли в Бухарест, в Молдавии и Валахии турецких войск не было. Вплоть до октября 1853 г. военные действия здесь не велись; шло накопление вооруженных сил. Российские войска сосредотачивались на левом берегу Дуная, а турецкие – на правом. У

Турции здесь была 130-тысячная армия. Ее части находились в крупных крепостях и вблизи вероятных мест форсирования реки.

Россия на территории княжеств имела 87-тысячную армию, части которой разрозненно располагались по всей территории княжеств. Российской армией командовал М. Д. Горчаков.

В Европе известия о Синопе развязали руки правительствам Англии и Франции. В середине декабря они принимают решение провести англо-французские корабли через Босфор к берегам Болгарии. Эскадры двинулись к Варне и оказались в Черном море. Известно, что в это время Наполеон III готовил личное послание Николаю I. В письме говорилось, что если Россия не выведет свои войска из Дунайских княжеств, то совместная эскадра Франции и Британии блокирует Черноморское побережье России. Одновременно Наполеон III повторил требование решить восточный вопрос под контролем Франции, Англии, Австрии и Пруссии. Фактически в письме содержалась

угроза войны всей Европы против России. В то же время Наполеон III открывал свои истинные планы в отношении восточного вопроса в письме к австрийскому дипломату. Император писал: «Я смеюсь над восточным вопросом, так же как и над влиянием русских в Азии. Меня интересует лишь влияние в Европе, и я хочу положить конец тому господству, которое последнее время петербургский кабинет приобрел на континенте... Мне все равно, желает ли Россия очистить княжества или нет, но я хочу ослабить ее и не заключу мира, пока не достигну своей цели».

Николай I отказался капитулировать на условиях Наполеона III. Столь же определенно высказался царь и в отношении совместного англо-французского ультиматума, в котором от России требовали очистить Дунайские княжества от своих войск.

Англия, Франция и Турция, получив такой ответ, 12 марта 1854 г. заключили военный договор, а 27 марта Англия и Франция объявили

России войну. Прошел месяц, и 11 апреля 1854 г. Англия, Франция, Австрия и Пруссия подписали в Вене протокол, согласно которому страны обязывались: не заключать сепаратных договоров с Россией, обеспечить вывод российских войск из Дунайских княжеств, соблюдать суверенитет и целостность Турции. Николай I, доселе убежденный в преданности юного австрийского монарха Франца Иосифа, знакомясь с донесениями дипломатов, сначала выражал свои чувства эмоционально («Не верю!!»), а позже украшал депеши из Вены отнюдь не дипломатическими выражениями.

К лету англо-французский экспедиционный корпус численностью до 60 тыс. солдат и офицеров сосредоточился в районе Варны. Сосредоточение союзнических войск на Балканах, а также неудачные сражения российской армии на Балканах против турецкой армии, заставили командование российской армии с конца июня начать выводить свои войска из Дунайских княжеств.

Высадка союзников на Крымский полуостров. Первые сражения

Корабли объединенной эскадры у черноморских берегов России появились 8 (20) апреля 1854 г. и остановились в трех километрах от Одессы. 22 апреля 9 неприятельских кораблей подошли к берегу и начали бомбардировку города, который, к сожалению, за исключением одной батареи под командованием прапорщика Щеголева, не был готов к обороне. Но эта батарея, имея всего 4 орудия, оказала серьезное сопротивление противнику.

Обстрел города производился в течение 12 часов, но высадить десант не удалось. 11 (23) апреля неприятельская эскадра снялась с якоря и ушла в море. Через несколько дней один из английских фрегатов вблизи Одессы сел на мель, был расстрелян русскими артиллеристами, а его

экипаж взят в плен.

Появление объединенной эскадры у берегов России свидетельствовало об истинных планах европейских государств: их целью было не заставить Россию уйти из Дунайских княжеств, а ослабить ее влияние как на Балканах, так и на Ближнем Востоке в целом.

Много позже, в 1877 г., видный английский парламентарий Т. Синклер, предав анафеме эту войну, как «глупую и безнравственную», не преминул возложить вину за ее продолжение на союзника. «Мы были тогда привязаны к колеснице Наполеона III, тирана Франции...» Но в 1854 г. император французов был для британского кабинета не тираном, а скорее ниспосланным судьбой соратником. Для британцев единственный раз за столетие представилась возможность во главе коалиции держав, опираясь на свой флот и превосходную французскую армию, нанести России удар неслыханной силы, отбросить ее назад на века, открыть черноморские берега для нападения,

устранить соперничество на Балканах и Ближнем Востоке. «...Россия, – писала в те дни парижская газета «Конститусьонель», – в течение немногих недель потеряет плоды денежных затрат, гигантских трудов, огромных жертв не одного поколения. Крепости, что она воздвигала дорогой ценой на берегах Балтики и Черного моря, не жалея ни терпения, ни времени, ни денег... будут сровнены с землей, взорваны и уничтожены огнем объединенных эскадр Франции и Англии». А лорд Пальмерстон выдвинул проект перекройки карты Восточной Европы: Аландские острова и Финляндию передать Швеции, восстановить Польское государство как барьер между германскими государствами и Россией, отобрать у последней Крым и Грузию и вручить их Турции... Таким образом, война планировалась по всему периметру Российской империи. Но главные события развернулись с лета 1854 г. на территории Крыма.

О возможной интервенции Крыма

войсками европейских государств еще в апреле 1854 г. говорил главнокомандующий Дунайской армией И. Ф. Паскевич. В письме к главнокомандующему сухопутными и морскими силами в Крыму А. С. Меншикову 23 апреля он писал: «К несчастью, в настоящую минуту на нас вооружились не только морские державы, но и Австрия, которую поддерживает, кажется, и Пруссия. Без сомнения, Англия не пожалела и денег, чтобы иметь на своей стороне Австрию, ибо без Германии они ничего нам не сделают... Действительно, когда будет против нас вся Европа, то не на Дунае нам надобно ожидать ее, и нас точно могут заставить выйти из княжеств...» Выступление Австрии против России стало кошмаром для фельдмаршала. «По всему видно, – продолжал Паскевич, – что ее (Австрию) поджидали другие союзники. Поэтому турки отступали, ожидая французов, а французы давали время приготовиться австрийцам, с тем чтобы начать действовать в одно время. Тогда наше положение будет так

тяжело, как не было и в 1812 г., если мы не примем своих мер заранее и не станем в прямой позиции, где бы не опасались, по крайней мере, за свой флот. Я ожидаю об этом повеления, а между тем сохраняю вид наступательный, для того чтобы, угрожая Турции, оттянуть десанты европейцев от наших берегов, притягивая их на себя, хотя, признаюсь, и без них довольно неприятностей». Но предупреждения И. Ф. Паскевича не были учтены А. С. Меншиковым. Он практически ничего не сделал для укрепления и усиления обороны Крыма. 29 июня (11 июля) 1854 г. он доносил царю, что при предстоящей высадке 50–60 тыс. французов и англичан (кроме турецких войск) у русских для обороны всего Крыма имеется «22 700 штыков, 1128 сабель и 36 орудий. А кроме того еще до 600 казаков: вот и все».

13 сентября 1854 г. союзный флот подходил к Евпатории. Солдаты и матросы союзного флота смотрели на пустынный берег, покрытый красноватым песком. Не только берег, но и

город, в бухту которого входили суда, казался совершенно покинутым. Евпатория была занята без боя. На берег без какого-либо противодействия со стороны русской армии высадилось от 60 до 64 тыс. французов, англичан и турок.

Младшие российские офицеры высказывали возмущение по поводу бездействия своего командования. В одном из писем мы читаем: «С сентября началась высадка неприятелей без всякой помехи с нашей стороны! Два, три полка с артиллерией могли бы порядочно поколотить высаживавшегося — закаченного на море — неприятеля!.. Но наши равнодушно смотрели на эту высадку, даже не сделали никакого распоряжения о прекращении перевозки товаров по Крыму! Зато неприятель на другой же день после высадки отбил 400 пар волов, везших в Севастополь муку и спирт!.. 15 сентября было маленькое артиллерийское дело, ничем, впрочем, не окончившееся, но неприятель уже успел подойти к нам верст на 10 или даже

ближе, потому что вечером и ночью лагерь его был виден с нашей позиции».

Союзное войско, отдохнув в Евпатории три дня, двинулось в сторону Севастополя. 20 сентября на реке Альма их встретили российские войска. В сражении приняли участие 55 тыс. союзников при 120 орудиях. Русские войска (до 34 тыс. человек, 96 орудий), которыми командовал А. С. Ментиков, оборонялись на левом возвышенном берегу.

Французы располагались на правом крыле атаки, а англичане – на левом. Предполагалось, что русский левый фланг выдержит удар французов. Однако русское командование плохо подготовилось к обороне, оно не учло возможность обстрела позиции со стороны моря. Кроме того, русская армия была вооружена устаревшими гладкоствольными ружьями. Вот как описывает это событие один из современников: «8 (20) числа неприятель со страшным флотом и огромным войском стал приближаться к нам. У каждого из нас дрогнуло

сердце при виде стройно движущейся бесконечной массы войска. Однако артиллерия наша успела занять выгодную позицию и приготовилась встретить неприятеля, но начала стрелять слишком рано, так что ядра не долетали до неприятеля и только понапрасну были истрачены заряды... Наши зажгли было около моря сад и деревню Бурлюк. Дым прямо на нас, предзнаменование дурное... Это нужно было сделать прежде, как говорят опытные, чтобы не дать неприятелю укрыться за строением и стрелять по нашим без всякой потери со своей стороны... Но эти ошибки не последние... Неприятель все ближе и ближе подходил к нам, так что уж ядра наши стали понемногу долетать до них и вырывать из их рядов жертвы, но вот лишь только подошли они на пушечный выстрел, наша артиллерия уже целыми рядами стала истреблять их, а они все-таки шли вперед, как бы не замечая и не заботясь о своих убитых собратьях... Наконец, они подошли к нам почти уж на ружейный выстрел, как на сцену явились

их убийственные шгуцера, а с моря посыпались тучи ядер, которые в несколько минут уничтожили Минский полк, поставленный близ моря под неприятельские выстрелы бог знает для чего и для какой пользы?.. Я говорю убийственные шгуцера потому, что каждая пуля долетала по назначению, тут-то и ранено много офицеров, штаб-офицеров и особенно генералов, одним словом всех тех, которые были верхом на лошадях. Но это все было бы ничего; артиллерия наша дивно громила неприятеля, ряды их редели заметно, и что же? недостало снарядов... Стыд и позор!.. Прекрасно распорядились... По два зарядных ящика от каждого орудия поставили вне выстрелов, т. е. версты за две, боясь взрыва их... И артиллерийское дело, так блестяще начатое, должно было прекратиться в самом разгаре... Пошли в шгыки, но картечи неприятельские целыми рядами клали наших. Несмотря на это, не только поработали вдоволь шгыки, но и приклады русские... Однако наши должны были уступить неприятелю свою

позицию, не видя никакого распоряжения поумнее, не получая ниоткуда помощи и боясь быть обойденными неприятелем и отрезанными от своих».

Француз Базанкур, участник битвы при Альме, говорит, что русское командование совершило непоправимую ошибку, не подготовившись к сражению. Дело в том, что русские войска левого крыла располагались на возвышенности. Но это преимущество не было использовано. Не был перекрыт и проход между возвышенностями. Когда генерал Боске, командовавший правым флангом французской армии, приказал бригаде взять высоты, то оказалось, что не только крутизна нисколько не укреплена, но что ее и никто не защищает. На эти высоты взошла не только пехота, но были подняты и орудия, которые получили великолепную позицию для обстрела русских войск. Как раз в это время русские вели ожесточенный бой у моста через Альму. По ним и ударила французская артиллерия оттуда, где

должны были находиться российские войска. Это породило панику в рядах русских войск. Все побежали. Один из современников потом рассказывал: «Все и всё по какому-то инстинкту бежало по дороге к Севастополю».

После битвы в очень тяжелом положении оказались раненые. Более двух тысяч из них валялись на полу, а то и просто на земле без всякой медицинской помощи — даже без тюфяков. Один из очевидцев увиденного рассказал об этом П. С. Нахимову. «Нахимов вдруг, как бы вспомнив о чем-то, с радостью бросился на меня и сказал: поезжайте сейчас в казармы 41-го экипажа (которым он командовал) — скажите, что я приказываю выдать сейчас же все тюфяки, имеющиеся там налицо и которые я велел когда-то сшить для своих матросов; их должно быть 800 или более, тащите их в казармы армейским раненым».

20—21 сентября 1854 г. отступившие от Альмы войска собрались на Южной стороне Севастополя. Они расположились между

Карантинной и Сарандинакиной балками.

В ходе сражения русские потеряли 5 700 человек, а союзные войска – 4 300 человек. Сражение показало, что противник превосходил русские войска в техническом оснащении и в тактике рассыпного строя. Русские же стихийно применили стрелковую цепь, что показало ее большую эффективность по сравнению с традиционным сомкнутым строем.

Поражение при Альме потрясло не только Николая I, но и все российское общество. Сергей Аксаков писал: «Я получил сегодня такое письмо от Самарина, какого не ожидал: общественное, политическое положение наше привело его в отчаяние... Положение наше отчаянное: Крым должен быть потерян если не навсегда, то на время. Унижение наше достигло высшей степени...» В лагере же противника в тот вечер, когда закончилась битва, вряд ли кто думал, что сражение, закончившееся победой, принесет в дальнейшем союзной армии много бед, страданий и потерь. Один из французских

офицеров, участник битвы за Севастополь, писал своей семье: «Вспоминая теперь о том, что мы говорили после Альмы, ожидая конца войны через три недели, нам следовало бы смеяться над собой, но под Малаховым курганом мы разучились очень громко смеяться».

Подготовка Севастополя к обороне

К началу вторжения неприятеля в Крым Севастополь к обороне, за исключением, пожалуй, обороны со стороны моря, где находился флот и 8 береговых батарей с 610 орудиями, был подготовлен плохо. Да и флот по своим боевым качествам уступал флоту противника. Здесь имелось 14 парусных линейных кораблей, половина из которых были старой постройки. Из семи русских пароходофрегатов только три — «Владимир», «Громоносец» и «Бессарабия» полностью соответствовали классификации того времени как малые фрегаты (от 220 до 400 л. с.) и были вооружены 6—13 орудиями. Пароходы же «Одесса», «Крым» и «Херсонес» еще в 1853 г. являлись каботажными пароходами. Они курсировали на линии Одесса — Константинополь и были вооружены по приказу

Корнилова перед самой войной. Пароход «Грозный» (120 л. с., 6 орудий) подходил под класс паровых корветов. В класс пароходофрегат зачислили и «Корнилов» (бывший «Перваз-Бахри»), который находился в доке, где и сгорел 26 августа 1855 г. На суше же имелось несколько старых или незаконченных укреплений со 145 орудиями на Южной стороне и с 51 орудием на Северной.

К сожалению, призванные защищать вход в Севастопольскую бухту береговые батареи к началу обороны не были полностью вооружены: пустыми оставались казематы и места для орудий на парапетах. Из 533 орудий, стоявших на береговых батареях, к осени 1853 г. было только 28 бомбовых трехпудовых и 160 пудовых единорогов. Большинство орудий на батареях было небольшого калибра – от 12 до 36 фунтов. В то же время многие линейные корабли русской и союзной эскадр имели на нижних палубах только тяжелые бомбические пушки. Получалось, что на одном корабле бомбических

пушек было больше, чем на вооружении всей Севастопольской крепости. Учитывая недостатки расположения береговых батарей и их вооружения, уже после начала войны князь Меншиков приказал расставить линейные корабли по диспозиции таким образом, чтобы бортовым огнем они могли поддерживать береговые батареи.

Не будучи уверенным в возможностях береговых батарей закрыть вход в Севастопольскую бухту, В. А. Корнилов провел учебные военные действия. 11 сентября 1853 г. по его приказу 8 линейных кораблей двумя колоннами, с десантом в баркасах на буксире, провели «примерную атаку» Севастопольской бухты под огнем (холостыми снарядами) береговых батарей. Маневр Корнилова указал не только на неправильное представление о силе вооружения, но и еще раз на недостатки приморских укреплений.

Вице-адмирал русского флота В. А. Корнилов, проверив состояние укреплений

Севастополя, подал главнокомандующему войсками Крыма князю А. С. Меншикову проект по укреплению Севастополя, при этом многие работы севастопольцы брались выполнить за свой счет. Но А. С. Меншиков к этому проекту отнесся скептически. И все же В. А. Корнилов настоял на том, чтобы подрядчику Волохову было «разрешено выстроить на собственный его счет» башню для защиты рейда со стороны моря. Эту башню Волохов закончил за два дня до высадки союзников, а в первый день бомбардировки именно эта башня спасла рейд от подхода неприятельского флота вплотную к берегу.

По предложению В. А. Корнилова в глубине бухты начали производить земляные работы для новых батарей. Уже в январе 1854 г. закончились работы по строительству Двенадцатиапостольской, Парижской и Святославской батарей. На них установили 59 орудий. В апреле того же года вошли в строй батареи, построенные в районе

Константиновской. По предложению Корнилова на этой батарее усилили артиллерию – установили 10 трехпудовых бомбовых пушек. Усиливались и остальные батареи. Прошло немного времени, и В. А. Корнилов вновь приказал испытать береговую батарею. Пароход «Бессарабия», взяв на 640-метровый буксир старый тендер, повел его с моря малым ходом по створной линии на Севастопольский рейд. По мишени открыли огонь орудия Константиновской и батареи № 10. К сожалению, опыт не удался: с первыми же выстрелами был перебит буксирный канат, а новой попытки делать не стали.

Прошел почти год, и в августе 1854 г. была сделана очередная попытка проверить мощь береговой батареи. Участник обороны Севастополя Гунаропуло описал эти события так: «... для этой цели начальство пожертвовало одним старым купеческим бригом. Пользуясь попутным ветром, на нем поставили парус, закрепили руль и пустили его плыть под

выстрелами батареей поперек фарватера, и «о ужас!» как все были поражены, когда судно проплыло известное расстояние только с незначительными повреждениями, село на мель на противоположной стороне, а в фортах, от учащенных выстрелов, наоборот, появились значительные трещины; тогда уже было решено заградить фарватер».

Работы по укреплению базы Черноморского флота усилились. В это время начальник штаба Черноморского флота В. А. Корнилов писал жене в Николаев: «...не только рабочие, но мужики с охотой работают. У нас в Севастополе все благополучно, все спокойно и даже одушевленно; на укреплениях работают без усталости, и они идут с большим успехом».

21 сентября 1854 г. Корнилов, узнав о поражении российских войск при Альме, собрал военный совет флота из флагманов и командиров судов. На совете он предложил выйти в море и атаковать неприятельский флот, стоящий недалеко от Феодосии, у мыса Лукул.

По его мнению, в случае успеха можно было уничтожить неприятельские корабли и тем самым лишить союзную армию продовольствия и возможности получать подкрепление. В случае неудачи Корнилов предлагал пойти на abordаж, взорвать себя и часть неприятельского флота и умереть со славой. Спасая честь флота, Корнилов видел в героической смерти спасение Севастополя.

Однако, понимая в душе порыв начальника штаба Черноморского флота, большинство командиров не были с ним согласны. Точку зрения большинства решился высказать командир линейного корабля «Селафаил» капитан 1-го ранга Зорин. Он предложил затопить поперек входа в бухту часть старых кораблей, а моряков свести на берег и на бастионах защищать Севастополь. Не согласившись с мнением совета, Корнилов распустил его и отправился к главнокомандующему, приехавшему в это время на береговую батарею № 4. Но Меншиков

поддержал мнение совета. Накануне затопления кораблей В. А. Корнилов издал приказ, в котором говорилось: «Главкомандующий решил затопить пять старых кораблей на фарватере: они временно преградят вход на рейд и вместе с тем... усилят войска. Грустно уничтожить свой труд! Много было употреблено вами усилий, чтобы держать корабли, обреченные жертве, в завидном свету порядке. Но надо покориться необходимости! Москва горела, а Русь от этого не погибла!..»

22 сентября около 4 часов дня пять кораблей и два фрегата начали переходить на буксире паровозов на назначенные к затоплению места. Здесь их отправили на дно, но волны со временем пробивали проход в бухту, который приходилось закрывать, затапливая новые корабли.

Через несколько дней адмирал П. С. Нахимов издал очередной приказ, в котором говорилось: «Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизона; я в

необходимости нахожусь затопить суда вверенной мне эскадры, а оставшиеся на них команды с абордажным оружием присоединить к гарнизону. Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться как герой; нас соберется до трех тысяч; сборный пункт на Театральной площади. О чем по эскадре объявляю».

По подсчетам исследователей, за время обороны Севастополя в бухте было затоплено 75 основных военных судов и 16 вспомогательных, включая шхуны.

В. А. Корнилов в момент затопления судов находился на крыше Морской библиотеки. Командующему горько было смотреть на гибель кораблей. Обратившись к окружавшим его офицерам, Владимир Алексеевич сказал: «Войска наши, после кровавой битвы с превосходным неприятелем отошли к Севастополю, чтобы грудью защитить его. Вы пробовали неприятельские пароходы и видели корабли его, не нуждающиеся в парусах? Он привел двойное

число таких, чтоб наступить на нас с моря. Нам надо отказаться от любимой мысли – разбить врага на воде! К тому же мы нужны для защиты города, где наши дома и у многих семейства... Москва горела, а Русь от этого не погибла! Напротив, стала сильнее. Бог милостив! Конечно, Он и теперь готовит верному Ему народу Русскому такую же участь... И если мы не дрогнем, то скоро дерзость будет наказана и враг будет в тисках!»

Конечно, затопление судов стало ударом для моряков Черноморского флота. Но еще большей неожиданностью это известие явилось для командующих французской и английской армий. Английский адмирал Лайоне сам признавался впоследствии, что от досады рвал на себе волосы, а адмирал Гамелен считал необходимым безотлагательно отправить нарочного на берег с донесением к маршалу Сент-Арно, который вполне оценил все значение подобного действия. По этому поводу адмирал Гамелен писал: «Если бы русские не

заградили вход в Севастопольскую бухту, затопив пять своих кораблей и два фрегата, я не сомневаюсь, что союзный флот после первого же выдержанного огня проник бы туда с успехом и вступил бы из глубины бухты в сообщение со своими армиями».

Начало Севастопольской обороны

21 и 22 сентября 1854 г. российские войска оказались в районе Севастополя, на его Южной стороне. Противник также подошел к городу и остановился на его Северной стороне. Сейчас трудно сказать, что заставило князя А. С. Меншикова принять решение отвести свои войска от Севастополя. Вечером того дня российские войска двинулись к Бахчисараю, обходя войска противника с фланга. Перевод войск к Бахчисараю А. С. Меншиков объяснял необходимостью преградить путь союзным войскам в глубь России. В этот же день главнокомандующий назначил командующим войсками Севастопольского гарнизона начальника 14-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Федора Федоровича Моллера, вице-адмирала В. А. Корнилова – войсками на Северной стороне, а вице-адмирала П. С.

Нахимова – морскими командами на Южной стороне.

Так как ожидали атаки неприятеля с севера, то на Северной стороне было сосредоточено около 13 тыс. человек, в основном моряков. На позиции для обстрела вражеских войск, на случай их появления на высотах, стояло 10 линейных кораблей. А на случай захвата противником Северной стороны на укреплениях все орудия, направленные на рейд и Южную сторону, были сброшены в бухту, а амбразуры разрушены. Для обеспечения возможного отступления у причалов стояли восемь пароходов.

Однако командование союзных войск, получив известие о затоплении кораблей, не зная состояния российских войск и планов их командования, не решилось штурмовать укрепления Северной стороны 23 сентября вечером, поэтому направило свои войска через Инкерман на Балаклаву, Казачью и Камышовую бухты. 26 сентября английские войска заняли

Балаклаву, сделав ее базой своей армии. Их план состоял в том, чтобы отсюда наступать на крепость с Южной стороны.

До утра ни русские, ни союзники не имели сведений друг о друге. Утром 24 сентября выяснилось, по меткому замечанию П. С. Нахимова, что все три главнокомандующих (русский, французский и английский) играли в жмурки и обменялись позициями: россияне шли с юга на север, а союзники – с севера на юг. Выйдя в тыл союзной армии, русские войска после марша стали в 10 километрах от Бахчисарая, а затем перешли в долину Качи.

Видя, что угроза городу с севера миновала, В. А. Корнилов приказал перевести на Южную сторону 11 морских батальонов, а по приказу П. С. Нахимова из команд судов были сформированы еще два сводных батальона. Севастопольская же крепость стала усиленно готовиться к обороне.

Дело в том, что если со стороны моря Севастопольская крепость была хорошо

укреплена, то с сухопутной стороны она практически не защищалась. Укрепления Северной стороны были расположены так нелепо, что окрестные возвышенности господствовали над некоторыми из них, сводя тем самым их значение к нулю. Здесь имелось всего 198 орудий, причем преимущественно малого и среднего калибра. Вообще орудия по периметру Севастополя располагались неравномерно. Например, на Малаховом кургане, центре позиции, ключе к Севастополю, в тот период находилось всего пять орудий среднего калибра (по 18 фунтов). Мало того, башня, на которой эти пять пушек стояли, не была защищена, поскольку, отмечал В. А. Корнилов: «гласис, долженствовавший защищать стены башни, и вообще земляные работы около нее еще не начинались».

С уходом Меншикова с армией от Севастополя Корнилов, Нахимов, Истомин и Тотлебен развернули в городе грандиозные работы по сооружению оборонительных

укреплений. По приказу В. А. Корнилова были прекращены все портовые работы, рабочие распределены по сухопутным укреплениям. Офицеры-саперы руководили строительными работами. Из портовых складов на укрепления вывозили лес, такелаж, мешки, железные цистерны, инструменты, гвозди и т. д. Все средства города были направлены также на оборону: частные подводы везли снаряды и материалы на батареи, из граждан была организована милиция, занявшая караулы, многие жители работали на укреплениях. По мере необходимости с судов свозили на батареи орудия большого калибра, станки, снаряды и заряды.

Не известно, когда спали, когда ели осажденные, работавшие в чрезвычайно трудных условиях. Дело в том, что в это время в Севастополе не оказалось ни железных лопат, ни кирок, а деревянными невозможно было копать каменистый грунт. Командующие послали снабженцев в Одессу. Но оказалось, что

и там кирок в продаже нет, а лопат отыскалось всего 4246 штук. Этот столь нужный защитникам Севастополя инструмент был доставлен в город только в конце октября. До этого времени рабочие, да и моряки, поправляли разрушенные противником земляные валы и укрепления деревянными инструментами.

Несмотря на эти трудности, в короткие сроки только на правом фланге оборонительной линии было завершено строительство 7-го и 6-го бастионов и оборонительной стенки между ними. Шло строительство 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 5-го бастионов и редута № 1. Велись работы и на Малаховом кургане. На Северной стороне под руководством контр-адмирала Владимира Ивановича Истомина и подполковника Эдуарда Ивановича Тотлебена, прибывшего в конце августа из Южной армии, помимо саперов и гарнизона Северного укрепления, работало 1200 человек. Под руководством капитана 2-го ранга Михаила Александровича Перелешина велось строительство батареи на месте будущего 1-го

бастиона, на Малаховом кургане строили укрепления около тысячи человек под руководством инженер-капитана Амелунга, под командой капитан-лейтенанта Тироля около 500 человек устанавливали орудия на 5-м и 6-м бастионах.

С корвета «Андромаха», брига «Фемистокл» и шкуны «Дротик» были сняты 30 орудий и установлены на Северном укреплении и укреплениях Южной стороны города. На оборонительной линии было установлено 134 орудия разного калибра, из них 80 – на городской и 40 – на Корабельной стороне, то есть на 74 метра оборонительной линии приходилось одно орудие. Всего же по сухопутному периметру обороны города стояло около 230 орудий разного калибра. Правда, на каждое орудие было заготовлено только по 40 зарядов.

Из местного населения и матросов были сформированы 17 батальонов численностью от 400 до 500 человек, из них семь – из команд

кораблей. Вскоре из отряда генерала Хомутова в Севастополь пришли три батальона, четыре сотни казаков и батарея общей численностью 3500 человек.

В короткие сроки героическим трудом севастопольцев было сделано все возможное для создания оборонительной линии вокруг города. На Южной стороне города были созданы три дистанции обороны. В первую дистанцию входили укрепления от береговой батареи № 10 до Балаклавской дороги (сейчас улица Гоголя). На ней под командованием генерал-майора Аслановича и начальника артиллерии капитана I ранга Иванова располагались 6 батальонов и 12 полевых орудий.

Вторая дистанция располагалась от Балаклавской дороги до Докового оврага (4-й и 3-й бастионы), батареи на бульваре (ныне Исторический) и Пересыпи (ныне территория железнодорожного вокзала). Здесь под командованием вице-адмирала Новосильского и начальника артиллерии контр-адмирала

Юхарина находились 8 батальонов и 8 полевых орудий.

Третья дистанция начиналась от Малахова кургана и простиралась до берега Килен-бухты (Малахов курган, 1-й и 2-й бастионы). 25 сентября утром Истомин произвел «репетицию штурма» на Малаховом кургане. Репетиция показала, что войск здесь недостаточно. В тот же день с Северной стороны сюда был переброшен на пароходах Бутырский полк и поставлен резерв в верховье Ушаковой балки. В распоряжении контр-адмирала Истомина и начальника артиллерии контр-адмирала Вукотича было 6 батальонов и 8 полевых орудий.

В резерве находились 2 батальона при 4 орудиях. На батареях Южной стороны были установлены 172 крепостных и морских орудия. Всего на укреплениях Южной стороны было 7 армейских и 16 флотских батальонов численностью 300 офицеров и 15 тыс. нижних чинов при 32 полевых орудиях. На Северной

стороне оставалось 5 батальонов в составе 56 офицеров и 3500 нижних чинов.

Жители, моряки и солдаты, находившиеся в городе, сделали все возможное для обороны своего города. Однако слабым местом в подготовке крепости к обороне был некомплект артиллеристов на батареях и недостаточный уровень боевой подготовки артиллерийского гарнизона. Ведь даже по меркам мирного времени состава артиллеристов в ротах крепостной артиллерии не хватало. Исходя из расчета потребности в артиллеристах на орудие крепости, для 533 орудий было необходимо иметь 3252 человека артиллерийской прислуги. Но среднесписочный состав в четырех с половиной ротах артиллерийского гарнизона и Южном окружном арсенале колебался от 996 до 1018 человек. Поэтому в конце декабря 1853 г. к орудиям береговых батарей были назначены матросы флотского экипажа, солдаты инженерной военно-рабочей силы, рабочие различных экипажей и солдаты резервной

бригады пехотной дивизии, едва умевшие зарядить орудие и выстрелить. Но увеличение артиллерийского гарнизона за счет неподготовленных не могло положительно сказаться на боевом мастерстве, которое и так было низким. Слабо были подготовлены и офицеры гарнизонной артиллерии, в основном выходцы из унтер-офицеров, сдавших экзамен на офицерское звание.

Между тем к 25 сентября 1854 г. англо-французский флот заблокировал в Севастопольской бухте 62 из 110 судов Черноморского флота. Это были находившиеся в строю военные корабли, яхты, шхуны, буксирные корабли. Перед главной ударной силой российской эскадры – парусными линейными кораблями и фрегатами, несущими на своих бортах от 40 до 130 орудий, была поставлена задача, обеспечить защиту входа в бухту и оказывать артиллерийскую поддержку сухопутным войскам. В этот день приказом начальника гарнизона Севастополь был

объявлен на осадном положении. Общее командование судами, находившимися на Севастопольском рейде, поручалось старшему флагману, начальнику 5-й флотской дивизии вице-адмиралу П. С. Нахимову^[3].

К этому времени к армии Меншикова стали подходить подкрепления. 23 сентября в Симферополь прибыла резервная легкая кавалерийская бригада генерал-лейтенанта Рыжова. Зная тяжелое положение армии в Крыму, М. Д. Горчаков направил сюда 12-ю пехотную дивизию (4 полка, 4 батареи и Уральский казачий полк) под командованием генерал-лейтенанта Липранди, резервную Уланскую дивизию (4 полка, 1 батарея) под командованием генерал-лейтенанта Корфа и 1-ю Драгунскую дивизию (3 полка, 3 батареи) под командованием генерал-лейтенанта Врангеля.

28 сентября А. С. Меншиков перевел армию ближе к городу, и она расположилась между рекой Бельбек и б. Голландией. Прибытие резервов усилило полевую армию, а

главнокомандующий на следующий день ввел в Севастополь 20 батальонов, в том числе 2-й и 8-й Черноморские пешие казачьи батальоны. Гарнизон крепости увеличился до 35 тыс. человек, а в полевой армии, прикрывавшей сообщение города с Россией, находилось 25 600 человек 1 октября в город дополнительно были введены Московский, Таругинский и Бородинский полки 17 пехотной дивизии и две легкие батареи.

За короткое время под руководством инженер-подполковника Э. И. Тотлебена в Севастополе было построено 20 укреплений. Численность орудий на Южной стороне доведена до 341 орудия. В результате в короткий срок была создана глубоко эшелонированная оборона. Значительную помощь мог оказывать флот. Основу обороны составляли бастионы. Под Севастополем были созданы три линии обороны и передовая позиция, отрыты окопы и траншеи. Впервые в России были применены блиндажи. Сочетание огня с системой траншей

положило начало позиционным методам ведения войны.

Первая бомбардировка Севастополя

(Союзные войска, заняв Балаклаву и бухты между Херсонесским маяком и развалинами древнего Херсонеса, стали продвигаться к укреплениям города. Английские войска расположились на высотах против 1-го и 2-го бастионов, Малахова кургана и 3-го бастиона. Французские войска заняли высоты против 4-го, 5-го, 6-го и 7-го бастиона. Здесь они возводили свои укрепления, завозили орудия и боеприпасы.

2 октября В. А. Корнилов записал в своем дневнике: «По всему надо полагать, что неприятель готовится нас бомбардировать. Он расположился 5-ю лагерями кругом Севастополя, начиная от высот против Киленбалки и до высот, с которых опускается старая дорога из Балаклавы». Действительно, союзное командование не решилось штурмовать город с

Южной стороны, приняв решение начать осаду Севастополя.

Российским командованием принимались меры к усилению артиллерийского огня против возводимых неприятелем батарей, устанавливались на оборонительной линии бомбовые орудия и мортиры. 2 октября приказом по гарнизону было реорганизовано управление оборонительной линии, вторая дистанция была разделена на две. Во вторую дистанцию под командованием вице-адмирала Новосильского вошли укрепления на Бульварной высоте (ныне Исторический бульвар), в третью – батареи Пересыпи и 3-й бастион – под командованием контр-адмирала Панфилова.

Бывшая третья дистанция контр-адмирала В. И. Истомина стала называться четвертой. Эта часть укреплений из-за слабости вооружения вызывала беспокойство главнокомандующего, и он писал В. А. Корнилову, что «часть города от бастиона № 3 до Килен-балки или Ушаковой балки, есть слабейшая и наименее укрепленная

искусством и составляет ключ Севастополя, – и кто будет владеть госпиталем и казармами Лазаревскими, тому покорится и город...»

На 6 октября в гарнизоне Севастополя состояло свыше 38 тыс. человек (по другим источникам – 35 590), из них 12 203 моряка и около 26 тыс. армейских чинов.

Союзные войска, заняв позиции вокруг Севастополя, начали артиллерийский обстрел города. Защитники отвечали ответным огнем. 2 октября П. С. Нахимов вывел оставшийся русский флот из южной бухты и расставил суда так, чтобы они могли оказывать артиллерийскую поддержку осажденным.

Между тем артиллерийская перестрелка Севастополя с неприятелем с каждым днем усиливалась. 5 октября В. А. Корнилов доносил князю А. С. Меншикову: «Не можем сладить с мортирами. Карташевский поставил вчера на бастионе № 4 мортиру, в которую не лезет бомба, равно как и бомбовые 3-пудовые орудия не выдерживают пальбы. Только что поставили

такую на бастионе № 6, как отлетел винград...»

Но и под артиллерийским огнем противника продолжались работы по укреплению оборонительных позиций. Командиров можно было видеть то в одном, то в другом месте. 3 октября В. А. Корнилов записывал: «Наши укрепления принимают более и более грозный вид, на некоторые вытащили бомбические 68-фунтовые пушки... мы можем надеяться отстоять сокровище, которого русская беспечность чуть было не утратила...»

Между тем неприятельские пароходы один за другим подходили к Балаклаве, где стояли англичане, и к Камышовой бухте, где были французские склады. Пароходы привозили новые и новые грузы. Среди них, предполагал В. А. Корнилов, находились и осадные орудия. К середине октября все приготовления к началу штурма Севастополя у союзников были закончены. Начало обстрела было назначено на утро 17 октября.

Командование Севастополя ожидало очередной бомбардировки города неприятелем, но не предполагало, что она будет такой широкомасштабной и губительной. Поздно вечером 16 октября В. А. Корнилов в беседе с одним из офицеров говорил: «Завтра будет жаркий день, англичане употребят все средства, чтобы произвести полный эффект, я опасаюсь за большую потерю от непривычки, впрочем, наши молодцы скоро устроятся; без урока же сделать ничего нельзя, а жаль, многие из нас завтра слягут». За день до этого В. А. Корнилов произнес речь перед защитниками Севастополя. Командующий сказал: «Господа! На нас лежит честь защиты Севастополя, защиты родного нам флота! Будем драться до последнего! Отступить нам некуда, сзади нас море. Всем начальникам частей я запрещаю бить отбой, барабанщики должны забыть этот бой. Если кто из начальников прикажет бить отбой, заколите, братцы, такого начальника, заколите и барабанщика, который осмелится бить позорный

отбой! Братцы, если бы я приказал ударить отбой, не слушайте, и тот из вас будет подлец, кто не убьет меня!..»

17 октября 1854 г. в половине седьмого утра французские батареи открыли интенсивный огонь по 4-му бастиону. Сюда же направили свой огонь и англичане. Русские батареи открыли ответный огонь. В. А. Корнилов сейчас же на коне помчался туда. Его свита еле поспевала за командующим. Корнилов, достигнув бастиона, с высоко поднятой головой, стал проходить от орудия к орудию, ободряя солдат и матросов. Отсюда командующий направился на 5-й бастион. Лошадь не желала спускаться по спуску, по которому вели огонь французы, но В. А. Корнилов сумел заставить животное спуститься с возвышения и направился на другой бастион. Пятым бастионом руководил П. С. Нахимов. Сопровождающий В. А. Корнилова офицер записал: «На пятом бастионе мы нашли Павла Степановича Нахимова, который распорядился

на батареях, как на корабле: здесь, как и там, он был в сюртуке с эполетами, отличавшими его от других во время осады. Разговаривая с Павлом Степановичем, Корнилов взошел на банкет у исходящего угла бастиона, и оттуда они долго следили за повреждениями, наносимыми врагам нашей артиллерией. Ядра свистели около, обдавая нас землей и кровью убитых; бомбы лопались вокруг, поражая прислугу орудий». Затем Корнилов двинулся на 6-й бастион. Через некоторое время его видели в городе – и вновь на 4-м бастионе.

Дым от страшного обстрела покрывал бастионы и траншеи так, что не было видно соседа, и артиллеристы стреляли мимо цели. Тотлебен, сопровождавший командующего, вышел вперед и поднялся на бруствер, осыпаемый градом французских ядер. Он заметил неправильность в прицеле русских артиллеристов и приказал: «Не торопитесь, стреляйте реже, но чтобы всякий выстрел был действительным».

В. А. Корнилов, осмотрев бастионы, решил направиться на Малахов курган. Адмирал Истомин, который руководил здесь обороной, не советовал командующему этого делать. Но тот был непреклонным. Около 11 часов утра В. А. Корнилов верхом на лошади стал подниматься на Малахов курган. Моряки, увидев адмирала, закричали «ура», но командующий остановил их, сказав: «Будем кричать «ура» тогда, когда собьем английские батареи».

В это время английские батареи усилили огонь. Бомбы рвались непрерывно, разбивая земляные укрепления. Офицеры советовали командующему покинуть зону обстрела. И в это время случилось непоправимое: несколько ядер перелетело через его голову, а одно ударило в нижнюю часть живота и в верхнюю часть ноги и раздробило ее. «Отстаивайте же Севастополь!» – сказал он подбежавшим. Раны оказались смертельными. В лазарете, перед смертью, адмирал сказал: «Смерть для меня не страшна; я не из тех людей, от которых надо скрывать ее».

В минуту смерти адмирала сражение было в полном разгаре. Защитники Севастополя, несмотря на огромные людские потери и колоссальные разрушения в оборонительных укреплениях, стояли стойко. Командование союзников поняло, что оно серьезно просчиталось, понадеявшись своей бомбардировкой сломить сопротивление русских. Осажденные поражали осаждающих. Откуда-то появились за три-четыре недели укрепления, дальнобойные орудия. А меткой стрельбой русские артиллеристы, отмечал корреспондент английской газеты «Таймс», «заставили совершенно замолчать французский огонь, так что французы могли делать выстрелы только время от времени, через значительные промежутки, а в 10 часов почти совсем замолкли на этой стороне».

Русские артиллеристы и морские суда стреляли не только по ближним батареям противника. Их снаряды достигали и более отдаленных целей. Во время боя капитан

пароходофрегат «Владимир» Г. И. Бутаков проявил смекалку, которая позволила значительно усилить эффективность орудий парохода. Он создал судну искусственный крен до 7 градусов, что увеличило дальность его пушек до 4–5 километров. За 5–8 октября корабль выпустил 241 бомбу и 164 ядра, заставив замолчать неприятельскую батарею. В ответ англичане стреляли значительно хуже, ибо из 500 снарядов, выпущенных с высот по неподвижному кораблю, попали только 10, но корабль не потерял боеспособности. Прием капитана «Владимира» затем неоднократно повторяли другие капитаны. А через несколько дней впервые в истории русской морской артиллерии орудия «Владимира» вели огонь по невидимой цели – английской 22-пушечной батарее.

В первый же день огнем русских батарей были уничтожены два пороховых склада французов и один англичан; пострадало пять французских линейных кораблей и фрегатов, а у

англичан – два.

В этот день цель союзников – начать после бомбардировки штурм города – не была достигнута. Не смогли союзники подавить и огонь русских батарей. Один из французов, участник тех событий, писал: «День 17 октября вследствие ряда непредвиденных событий не оправдал надежд, которые на него возлагались. Устремившись в неведомое, торопились помешать прогрессирующему развитию обороны. Этот день разрушил много иллюзий... (Он) показал, что мы имели дело с неприятелем решительным, умным и что не без серьезной, убийственной борьбы, достойной нашего оружия, Франция и Англия водрузят свои соединенные знамена на стенах Севастополя».

Всю ночь после бомбардировки города на бастионах и батареях кипела работа: очищали рвы, строили пороховые погреба, исправляли брустверы, ставили новые орудия большего калибра. И утром 18 октября 3-й бастион и Малахов курган были вновь готовы вести огонь

по английским батареям. Меншиков доносил в Петербург: «Крепость, которая выдержала такую страшную бомбардировку и успела потом в одну ночь исправить повреждения и заменить все подбитые свои орудия – не может, кажется, не внушить некоторые сомнения в надежде овладеть этою крепостью дешево и скоро».

После бомбардировки Севастополя 17 октября командование союзной армии находилось в нерешительности: готовиться к штурму или продолжать и усиливать бомбардировку города. Остановились на втором варианте. Каждый день на город обрушивались тысячи снарядов. Между тем, как считали сами защитники, установились относительно спокойные дни. Великий русский писатель, участник обороны Севастополя, Лев Николаевич Толстой детально и полно отобразил в своих «Севастопольских рассказах» оборону города, воздал должное героизму русских солдат, матросов и офицеров. О себе он писал мало. Но в письме брату, написанному в ноябре 1854 г.,

мы читаем: «Сколько я переузнал, переиспытал, перечувствовал в этот год, что решительно не знаешь, с чего начать описывать, да и сумеешь ли описать, как хочется... Теперь Силистрия (бывшая болгарская крепость Доростол) старая песнь, теперь Севастополь, про который я думаю, и вы читаете с замиранием сердца, и в котором я был четыре дня тому назад... в каком положении наши дела в Севастополе. Город осажден с одной стороны, с южной, на которой у нас не было никаких укреплений, когда неприятель подошел к нему. Теперь у нас на этой стороне более 500 орудий огромного калибра и несколько рядов земляных укреплений, решительно неприступных. Я провел неделю в крепости и до последнего дня бродил, как в лесу, между этими лабиринтами батарей. Неприятель уже более трех недель подошел в одном месте на 80 сажений и не идет вперед; при малейшем движении его вперед его засыпают градом снарядов.

Дух в войсках выше всякого описания. Во

времена Древней Греции не было столько геройства. Корнилов, объезжая войска, вместо «здорово ребята!» говорил: «нужно умирать, ребята, умрете?» и войска отвечали «умрем, ваше превосходительство, ура!» И это был не эффект, а на лице каждого видно было, что не шутя, а взаправду, и уже 22 000 исполнили это обещание.

Раненый солдат, почти умирающий, рассказывал мне, как они брали 24-ю французскую батарею и их не подкрепили; он плакал навзрыд. Рота моряков чуть не взбунтовалась за то, что их хотели сменить с батареи, на которой они простояли 30 дней под бомбами. Солдаты вырывают трубки из бомб. Женщины носят воду на бастионы для солдат. Многие убиты и ранены. Священники с крестами ходят на бастионы и под огнем читают молитвы. В одной бригаде, 24-го, было 160 человек, которые раненые не вышли из фронта. Чудное время! Теперь, впрочем, после 24-го, мы успокоились, – в Севастополе стало прекрасно.

Неприятель почти не стреляет, и все убеждены, что он не возьмет города и это действительно невозможно. Есть три предположения: или он пойдет на приступ, или занимает нас фальшивыми работами, или укрепляется, чтобы зимовать. Первое менее, а второе более всего вероятно. Мне не удалось ни одного раза быть в деле; но я благодарю Бога за то, что я видел этих людей и живу в это славное время. Бомбардирование 5-го числа останется самым блестящим славным подвигом не только в русской, но и во всемирной истории. Более 1500 орудий два дня действовали по городу и не только не дали сдаться ему, но не заставили замолчать и 1200 наших батарей. Ежели, как мне кажется, в России невыгодно смотрят на эту кампанию, то потомство поставит ее выше всех других; не забудь, что мы с равными, даже меньшими силами, с одними штыками и с худшими войсками в русской армии (как 6-й корпус), деремся с неприятелем многочисленнейшим и имеющим флот,

вооруженным 3000 орудиями, отлично вооруженным шгуцерами, и с лучшими его войсками. Уж я не говорю о преимуществе его генералов.

Только наше войско может стоять и побеждать (мы еще победим, в этом я убежден) при таких условиях.

А война, кажется, затянулась надолго. За Силистрию я, как и следовало, не представлен, а по линии получил подпоручика, чему очень доволен, а то у меня было слишком старое отличие для прапорщика, стыдно было».

Балаклава и Инкерман

Русское командование решило использовать момент, когда союзники сосредоточили свое внимание и все силы на бомбардировке Севастополя, и нанести удар по Балаклаве. На невысоких буграх, окружавших Балаклаву, союзники устроили 4 больших и один малый редут. Но вооружены артиллерией из них были только три больших. Эти редуты прикрывали линию Чоргун – Балаклава и были расположены на линии от Сапун-горы к селу Кадык-кой и заняты турками. На каждом из четырех редутов было по 250 человек турок и по одному английскому артиллеристу.

23 октября у местечка Чоргун русские собрали специальный 16-тысячный отряд при 64 орудиях. Командовал отрядом генерал-лейтенант П. П. Липранди. Для поддержки войск Липранди назначался особый отряд в 5 тыс. человек при 14 орудиях под

командованием генерал-майора И. П. Жабокрицкого.

В 5 часов утра 25 октября Чоргунский отряд перешел в наступление. Азовский пехотный полк с громким криком «ура» штурмовал и захватил первый турецкий редут, при этом убив около 170 турок. Турки, бросив три остальные редута, бежали. Русская кавалерия преследовала и избивала их во время этого панического бегства еще на некотором расстоянии за редутами. Редуты заняли русские отряды. Овладев высотами, русские считали дело законченным.

Однако по иному оценивал обстановку английский главнокомандующий лорд Раглан. Он отдал приказ кавалерии отбить потерянные позиции. Командир кавалерийской бригады Кардиган во главе 670 всадников двинулся на редуты, занятые русскими. Легкая бригада наступала в трех линиях, растянувшись по фронту на одну пятую ширины долины. За ней следовала тяжеловооруженная бригада. Русские

артиллеристы открыли по наступающим перекрестный огонь гранатами и ядрами, а затем картечью. Но англичане, несмотря на потери, продолжали наступление. Они смогли прорваться к батарее из 12 конных орудий, расположенных поперек долины, и захватили несколько орудий.

Кавалерия генерал-лейтенанта Н. И. Рыжова, стоявшая позади захваченной англичанами батареи, не ожидала столь стремительного удара неприятеля. Уральский казачий полк, обратившись в бегство, нарушил боевой порядок других полков и они тоже побежали. Бегство почти 2 тыс. кавалеристов спровоцировали ничтожные силы англичан.

Однако постепенно русские разобрались в обстановке и начали громить англичан. Положение на поле боя менялось, как в калейдоскопе. Французы бросили свои войска на помощь английской легкой бригаде. Это помогло, и остатки легкой кавалерии англичан вернулись в свой лагерь. Русское командование

не решилось их преследовать, и войска остались на своих позициях. Сражение окончилось. Общий урон русских войск в этом сражении составил 627 человек, союзников – 850 человек. К сожалению, русское командование не развило успеха, полученного под Балаклавой.

Когда к концу октября к Меншикову подошли значительные подкрепления (10-я и 11-я пехотные дивизии), можно было подумать о крупной операции. В российском войске, не считая моряков, насчитывалось около 107 тыс. человек. На севере Таврического полуострова находилось еще около 20 тыс. На наступательной операции настаивал и император Николай I. Такая операция готовилась в районе Инкермана. Ее цель состояла в том, чтобы сорвать готовящийся штурм Севастополя. По плану операции, разработанному А. С. Меншиковым, два отряда под командованием П. Я. Павлова и Ф. И. Саймонова, общей численностью в 35 тыс. человек при 134 орудиях, должны были

атаковать позиции англо-французских войск. Вспомогательный отряд генерала М. Д. Горчакова должен был нанести дополнительный удар по Сапун-горе. Однако прибывший из Дунайской армии генерал П. А. Данненберг внес в этот план коррективы, о которых не были поставлены в известность главнокомандующий и командиры отрядов. Это внесло неразбериху в действия отрядов.

Рано утром 5 ноября при густом тумане началось наступление двумя колоннами на позиции английских войск в районе Килен-балки. Наступление русской армии для противника стало полной неожиданностью. Отряд генерала Саймонова наступал по юго-западному склону Килен-балки. Отряд Павлова должен был наступать из района Инкермана – через мост в гору. Но его отряд опоздал с выходом, что создало трудности для отряда Саймонова, который, преодолевая ожесточенный огонь англичан, выбил их из двух редутов. Однако удержать занятые редуты отряд

не смог и вынужден был их оставить. Подоспевший отряд Павлова вновь выбил англичан из редута № 1. Одновременно с главной атакой из Севастополя была предпринята вылазка четырехтысячного отряда генерала Тимофеева против французов в районе 5-го и 6-го бастионов. К сожалению, отряд, не получив помощи Горчакова, который, вместо того, чтобы наступать на Сапун-гору, стоял без действия, вынужден был отступить. Это позволило французам перебросить силы в помощь англичанам. Отсутствие резервов в отряде генерала Павлова вынудило и его отряд отойти на исходные позиции. В ходе этой операции русские потеряли 10634 человека, потери противника составили 4700 человек.

Вместе с тем это сражение заставило союзников отказаться от штурма Севастополя и перейти к длительной осаде. «В Инкерманской битве, – писали англичане, – нет ничего для нас радостного. Мы ни на шаг не продвинулись ближе к Севастополю, а между тем потерпели

страшный урон. Конечно, русские понесли, может быть, большую потерю, нежели союзники, и были принуждены отступить, но они возвратились в свои же прежние позиции, а эти позиции возле самого Севастополя и Балаклавы!.. А могут ли союзники, которые из осаждающих превратились теперь в осажденных, постоянно отражать эти нападения?.. Нельзя более скрывать: положение союзников отчаянное».

После Инкерманского сражения союзники спешно укрепляли и возводили новые позиции в районе Балаклавы и Сапун-горы, прикрывая тылы своих армий. Передышка давала возможность и защитникам Севастополя поправить разрушенные укрепления.

И вновь Севастополь

Война приобретала затяжной характер. Союзники наращивали силы, получая по морю боеприпасы и подкрепления. Для русской армии проблема нехватки боеприпасов становилась все острее. Маломощная русская военная промышленность не справлялась с возросшими заданиями. К тому же большими трудностями сопровождалась доставка оружия и боеприпасов в осажденный город. Русский художник Л. М. Жемчужников, очевидец событий, побывавший как в тылу, так и на театре военных действий в конце Севастопольской кампании, в своих воспоминаниях писал: «Наступила осень 1855 года. Севастопольская война была в разгаре... Грустную картину представляли транспорты с порохом, бомбами, ядрами, двигавшиеся на волах. На телеге лежало по пяти бомб, и волы медленно шагом двигались, делая в сутки по 25 верст, тогда как министерство рассчитывало на

быстроту чуть ли не в 50 или 100 верст в сутки на лошадях. Подряды были сданы, и в министерстве предполагали, сообразно их расчету, что в Севастополе должно быть достаточное количество снарядов и пороху, а между тем часто волы не делали и 25 верст; сломается ось или колесо, выйдут и запасные, надо ехать куда-нибудь, отыскивать, где можно срубить или купить; а эти места были так далеко, что их не было и видно. Чтобы скотину напоить, приходилось доехать до колодца, когда таковой окажется на дороге; да ведро воды достать чуть ли не с того света, – такая глубина, а иногда и платить по 20 копеек за ведро. От недостатка в порохе, бомб, ядер, гранат и проч. через Ростовцева (полковник генерального штаба) отдано было секретное распоряжение, чтобы на 50 выстрелов неприятеля отвечали пятью.

По степи валялась масса трупов, лошадиных и воловьих; мы, приближаясь к Крыму, более и более встречали раненых, которых везли, как телят на убой; их головы бились о телеги,

солнце пекло, они плотали пыль, из телег торчали их руки и ноги, шинели бывали с верху до низу в крови. Меня все более и более охватывала жалость и досада, а фантастические мечты о картине Севастопольской обороны исчезали и, наконец, не только исчезли, но и дух мой был возмущен до крайности, и меня взяло отвращение от войны. Меняя лошадей в Симферополе, следовательно, за шестьдесят верст до Севастополя, мы ясно слышали бомбардировку и видели множество тянувшихся подвод, наполненных ранеными.

...Не одно интендантство грабило. Поставщики не доставляли мяса, полушубков, разбавляли водку; деньги, посылаемые крестьянами своим родственникам, мужьям, сыновьям, до них не доходили и назад не возвращались; а также не в надлежащем количестве доходил корм лошадям. Крались медикаменты, и знаменитый наш доктор Пирогов был в отчаянии от недостатка медиков. Везде и во всем был беспорядок

невообразимый...»

В ноябре 1854 г. начались морозы. 2 ноября поднялась сильная буря, которая нанесла большой урон защитникам города. Большие потери понесли и союзники. В этот день затонуло более 30 купеческих судов с необходимыми продуктами и амуницией для армии. В районе Евпатории погибли стопушечный корабль и корвет.

Затишье позволило ввести в Севастополь дополнительные части, которые заняли места убитых и раненых. Продолжалось восстановление разрушенных укреплений. Но погода делала свое дело. Как у осажденных, так и у осаждающих не хватало теплой одежды и обуви, было мало теплых помещений. В частях увеличилось количество не только простудных, но и инфекционных заболеваний. В частях появились холера, лихорадка и др. Меншиков доносил государю, что в госпиталях находилось свыше 28 тыс. человек, из них 11 тыс. раненых. Не меньшие потери были и в лагере союзников.

Между тем наступил 1855 год. Продолжалась артиллерийская перестрелка. Противники стремились занять и укрепить новые позиции. Союзники ближе и ближе подбирались к центру города. Не будем утруждать читателя цифрами. Пожалуй, лучше, чем рассказали о событиях первой половины 1855 г. сами участники обороны, не сможет никто.

Участник войны П. В. Алабин 15 марта 1855 г. писал: «Способы ведения войны при защите Севастополя до чрезвычайности разнообразны. Мы боремся с врагами на воде, в поле, посредством земляных работ на поверхности земли и под землей, и, наконец, боремся – в воздухе.

При борьбе на воде мы не выходим с некоторого времени в море, правда; но и врагам нашим окончательно загражден доступ, посредством флота, в Севастополь. Не говорю о каменных твердынях, сторожащих Севастополь со стороны моря; положим, несмотря на их

губительный огонь, союзники, рискуя потерять три четверти своих судов, могли бы еще, быть может, ввести в бухту остальную часть флота; но сверх этих фортов их ждут преграды, преодолеть которые не во власти человеческой: бухта, кроме свайной перемычки, перерезана двумя рядами затопленных судов! – С честью отслужив отечеству определенный для них срок, суда эти заживо погребли себя во влажную могилу, с тем, чтобы окончательно обезопасить свой родимый город, своих младших братьев от покушений недруга. За эту же подводною твердыней незваных гостей ждет несколько сотен жерл военных судов, стоящих в боевой линии, бортами к морю, с вечно открытыми люками, в которые, до времени молча, чугунные пушки плядут. В первой линии (напротив Павловского форта) стоят корабли «Париж» (у мыса), «Великий князь Константин» (в середине) и «Храбрый» (у Северной), готовые к бою по первому сигналу.

Адмиральский флаг поднят на корабле

«Великий князь Константин»; пароходы беспрестанно шмыгают по бухте, будучи всегда готовы на помощь угрожаемому пункту; да и не раз уже им удавалось громить врага.

...Что сказать о нашей борьбе с неприятелем в поле? Наши неоднократные большие и малые вылазки, взятие балаклавских передовых укреплений отрядом генерала Липранди, сбитие неприятельских линий и овладение рядом укреплений на инкерманских высотах; наше ночное нападение на французские апроши в ночь на 11 марта разве не служит живым доказательством, как сильно мы действуем в поле, когда обстоятельства вызывают нас из-за импровизированных наших твердынь?»

Первая вылазка в Севастополе была проведена моряками и казаками-пластунами с применением двух горных единорогов 23 сентября 1854 г. В этот день смельчаки разрушили напротив 5-го бастиона часть строений на хуторе, которые использовал

неприятель. Одновременно огнем своего оружия они рассеяли два батальона французов и эскадрон конницы. С 5 октября 1854 г. защитники Севастополя стали проводить вылазки чаще. Причем иногда в них принимало участие от 200 до 500 человек. Так, 9 октября отряд охотников свыше 200 человек вышел с 5-го бастиона на позиции французов. Свою вылазку они завершили успешно, заклепав 8 мортир и 11 орудий противника. 17 отличившихся были удостоены высшей награды – знаков отличия военного ордена Св. Георгия. В одной из таких вылазок матрос Игнатий Шевченко своей грудью закрыл командира. Главнокомандующий А. С. Меншиков в своем приказе отметил, что матрос «явил особый пример храбрости и самоотвержения в вылазке» и поступил как «истинно храбрый воин, как праведнику».

Одним из наиболее известных и популярных участников вылазок был матрос 1-й статьи 30-го флотского экипажа Петр Кошка,

которого называли «молодцом редкой отваги». В одном из российских журналов того времени мы встречаем такое сообщение о храбрце: «В одной из вылазок он был в передовом отряде охотников; отделившись от своих и хорошо зная местность, Кошка незаметно прокрался к неприятельской цепи, бросился на трех стоявших в цепи французов и этой смелой выходкой взял их в плен, не встретив никакого сопротивления. Кошка несколько раз прокрадывался один к неприятельским траншеям и почти всякий раз возвращался с захваченным оружием или со сведениями о числе неприятеля». Он получал неоднократно ранения. Одно, когда «хватали в вылазке штыком в брюхо», привело его на лечение к Н. И. Пирогову.

Цель таких вылазок состояла не только в нанесении урона противнику. Многие смельчаки возвращались домой с захваченными винтовками, порохом и боеприпасами, так необходимыми Севастополю. Например, только

за три вылазки, проведенных смельчаками в декабре 1854 – январе 1855 г., они принесли домой более 100 нарезных ружей и шгуцеров. Всего за пять месяцев обороны воины совершили свыше 80 вылазок, что позволило вооружить иностранным оружием до 1000 человек.

Безуспешность попыток войти в Севастополь со стороны 4-го бастиона заставила союзное командование в январе 1855 г. принять решение об изменении направления удара.

Центром удара теперь был определен Малахов курган. Французы стали строить укрепления на этом направлении. Чтобы не дать им закрепиться, в ночь на 11 марта 1855 г. 5 тыс. солдат и матросов под командованием генерала А. С. Хрулева пошли на вылазку. Ее целью были французы, которые окопались вблизи Малахова кургана. Участник боя вспоминал: «Русский штык работал неутомимо, удача так разъярила солдат, что они не слушались трехкратного

отбоя, пока увещевания иеромонаха Иоаникия с крестом в руках, находившегося при войсках и напутствовавшего своими благословениями, не убедили их отступить». В результате вылазки была ликвидирована неприятельская батарея и заклепаны орудия, разрушены траншеи и ложементы, взяты ружья, шанцевый инструмент и 100 человек пленных. За успешную вылазку генерал А. С. Хрулев был удостоен ордена Св. Георгия 3-й степени, иеромонах Иоаникий – ордена Св. Георгия 4-й степени; 46 нижних чинов награждены знаками отличия ордена Св. Георгия. Участником этой вылазки был и подпоручик артиллерии граф Л. Н. Толстой, который в своем дневнике записал: «...имел слабость позволить Столыпину увлечь меня на вылазку, хотя теперь не только рад этому, но жалею, что не пошел с штурмовавшей колонной».

Теперь снова обратимся к запискам П. В. Алабина. Он продолжает: «...ратуем против недруга посредством земляных работ, и эта

борьба чуть ли не труднейшая... Рука об руку с нашими оборонительными сооружениями на поверхности земли идут работы под землей. Дивны подробности этой подземной войны; но представить ее картину должны участники, действующие в ней лица; наши же о ней рассказы были бы бесцветны, потому что мы не посвящены в глубочайшие тайны этой войны гигантов в царстве гномов... Видим только, что полгода союзники трудятся под землей, что тысячи препятствий, им противопоставленных почвою и другими местными условиями, преодолены ими, и однако же ни одного значительного успеха им не удалось стяжать над нами. Тотлебен, не будем давать ему эпитетов – Россия и без них его знает. Тотлебен превращает в ничто все усилия и труды союзников; подкупы, нам уготованные, обращает в гибель им самим, и их, стремящихся взбросить нас на воздух, самих с их работами, как прах, взметает к облакам.

В планах французского командования

предусматривалось, на случай упорной обороны русских, делать подкопы под укрепления и путем взрыва уничтожать их. Об этом плане стало известно русскому командованию. Под руководством Тотлебена русские инженеры и саперы разработали план ведения контрминных работ перед 4-м бастионом. Под руководством штабс-капитана Александра Васильевича Мельникова пехотинцы вокруг укрепления пробили в скале ров, вырыли 22 колодца и 22 галереи из них навстречу противнику длиной до 30 метров. В этот же день солдаты услышали, что им навстречу пробивается противник. Мельников на пути неприятеля заложил 12 пудов пороха, и вечером 22 января, когда французы находились уже в нескольких метрах, произвел взрыв. Французская галерея была разрушена на 28 метров, а минеры перебиты. За этот подвиг штабс-капитан А. В. Мельников был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Все последующие семь месяцев минной войны противник не смог приблизиться под землей к 4-

му бастиону. Художник и журналист Николай Берг, посетивший в феврале 1855 г. подземное хозяйство А. В. Мельникова, записал, что он с одним из офицеров ходил по длинным подземным туннелям, где с трудом могли разойтись два человека. Иногда минная галерея становилась такой узкой, что приходилось преодолевать ее ползком. «В конце, уже ближе к выходу, — пишет автор, — мой товарищ пригласил меня зайти к штабс-капитану Мельникову, заведовавшему минными работами, в его нишу. Из гроба мы очутились в довольно порядочной комнате, увешанной коврами. Посредине стоял и кипел самовар. По стенам шли земляные диваны, тоже покрытые коврами. Подле одной стены была печь ростом с человека, не доходившая до потолка. На ней сверху лежали разные тетради, бумаги, чертежи и «Мертвые души»! Куда не проникает гений!

Хозяин и создатель этой комнаты — молодой человек, украшенный Георгиевским крестом, называемый моряками в шутку обер-

крот, принял меня, как невиданного брата, и угостил чаем».

А газета «Таймс» писала: «Пальма первенства в этом роде действий [инженерные и саперные работы] принадлежит русским».

Повествование о героизме обороняющихся было бы неполным, если бы мы не рассказали о подвиге гражданского населения и, прежде всего, о женщинах и детях.

Они постоянно испытывали все ужасы бомбардировок. Каждая такая бомбардировка грозила смертью. Многие могли уехать из города, но оставались в нем. П. В. Алабин пишет: «Здесь, говорят, родились мы, здесь и умрем; здесь погибают наши мужья и братья, с ними, если будет угодно Богу, погибнем и мы! Вся северная и западная стороны Малахова кургана покрыты домиками (мазанками) матросов, наполненными их семьями. Женщины моют белье офицерам... торгуют не только на двух базарах корабельной стороны, но даже на самом Малаховом кургане... предлагая

толпам солдат... блины, пироги, куски нарезанной селедки, яблоки, булки... квас, орехи, холодец и всякую съестную всячину... Матроска носит мужу пищу на бастион, сидит с ним у орудия, пока он поест, чтоб взять назад посудину... Во время общего бомбардирования женщины таскали беспрестанно воду на бастионы освежать измученных трудом и зноем бойцов, перевязывали и выносили с места боя раненых... Бывает иногда: ударят тревогу. Что ж женщины? Кричат, бегают? Ничуть не бывало: ныне привыкли – стоят у своих калиток, подгорюнясь и провожая полными слез глазами бегущие по своим местам отряды солдат, молятся и тихо плачут, предавая судьбу свою в руки Господни».

Не отставали от своих отцов и матерей дети. Тот же П. В. Алабин вспоминает: «Севастополь сделался рассадником героев. Все, что живет в его окопах, воспиталось войною, повито опасностью, вскормлено нуждою, излелеяно лишениями. Всмотритесь в жизнь

здешних ребят. Тот к батьке на батарею, под градом вражьих снарядов, по нескольку раз в день сбегает, снесет то поест, то выпить, то чистую рубашку, то тулуп или почищенные сапоги. Иной мальчик, лет двенадцати, день-деньской работает веслом на вольном ялике, шмыгая от одного берега бухты к другому, на пространстве, где весьма часто вспенивает воду осколок лопнувшей над бухтой бомбы, или самая бомба, захлебнувшаяся морскою водой, или грянет ракета страшным громом, и железная ее гильза поплывет, как морской баснословный змей, скользя по водной зыби, грозя смертью, которой юноша силится избежать учащенными ударами своего еще не твердого весла».

Огромную работу проводили дети, собирая неразорвавшиеся снаряды. «Сначала было, — продолжает П. В. Алабин, — стали солдаты таскать снаряды, но когда увидели, что этим делом с любовью занимаются ребяташки, то солдаты предоставили им этот заработок. (Морское руководство обещало платить за

каждый снаряд по копейке серебром.) Надо было видеть, что за сцены тут происходили! Из-под самых батарей, несмотря на огонь неприятельский, целые артели мальчишек таскали ядра; кто не осилит тащить, катит ядро; другие вдвоем тащат его в мешочке, иные везут одно, два, три ядра на маленькой тележке; глядишь, запряглась в эту тележку, между прочим и девчонка, сама немножко больше ядра. Эта доставка снарядов совершенно уподоблялась доставке в муравейник его населением различных материалов, необходимых для сооружения и существования оного.

На днях привели к генералу Хрулеву мальчика. Он изволил подрядиться таскать ядра от рогатки (между Малаховым курганом и вторым бастионом) до Камчатского люнета, с платою по копейке за ядро! За ядрами он проходил больше половины версты под постоянным обстрелом. — Много ли же ты стащил сегодня ядер? — спросил его генерал. — Тридцать, ваше превосходительство, — ответил

мальчик. – Ну, отчего же ты босой? – Да, чтоб легче было, – ответил мальчик и попросил возвратиться к своему ремеслу».

7 марта на Малаховом кургане, во время осмотра укреплений, был убит один из друзей и соратников П. С. Нахимова, контр-адмирал Владимир Иванович Истомина, кавалер ордена Св. Георгия 3-й степени. Это именно благодаря ему Малахов курган превратился в грозную крепость. В феврале – марте 1855 г. под его общим руководством были заложены передовые укрепления Корабельной стороны Севастополя – Волынский и Селингинский редуты, а также Камчатский люнет. Один из участников обороны Севастополя говорил: «Истомин 7 месяцев, как часовой, не раздеваясь, безвыходно хранил созданный им бастион; по несколько раз в день осматривал все работы и цепь, даже в секреты ходил в эполетах...» Когда Истомину говорили об опасности, которой себя подвергает, он отвечал: «Я давно выписал себя в расход и теперь живу на счет англичан и

французов».

8 марта в Севастополь прибыл новый главнокомандующий М. Д. Горчаков, который до этого командовал Южной армией. М. Д. Горчаков, прибыв в Крым и ознакомившись с положением дел, писал военному министру В. А. Долгорукову: «Я естественно надеюсь только на то, что неприятель не откроет наступательных действий ранее прибытия значительных подкреплений, которые я отправлю. Все, что могу сделать до их прибытия, – это держаться оборонительного положения, что представляет наитруднейшую задачу».

С 28 марта по 7 апреля 1855 г. неприятель предпринял вторую массированную бомбардировку Севастополя. Союзники выпустили по городу 165 тыс. снарядов. Защитники ответили только 89 тыс. снарядами. Участник обороны Н. Горбунов писал: «Ужасную бурю с градом можно разве сравнить с тем неистовством, учащенным

артиллерийским огнем, которым неприятель буквально мел бастионы... Ядра, как резиновые мячики, прыгали по улицам (Севастополя)». В результате бомбардировки защитники потеряли 5986 человек. Союзники – только 1852 человека.

К 20 апреля французы захватили ряд укреплений перед 5-м бастионом, угрожая захватом и самого бастиона. М. Д. Горчаков стал склоняться к мысли о том, чтобы оставить Севастополь.

Российское командование 25 мая для усиления гарнизона ввело в город три пехотных полка. Гарнизон увеличился до 82 тыс. человек, причем больше половины из них находились на Южной стороне. Но соотношение сил все равно было в пользу союзников. Уже в мае у них было 175 тыс. человек. Это позволило союзным войскам перейти к более активным действиям.

В конце мая началась третья бомбардировка и очередная атака на город. Только по укреплениям Корабельной стороны союзники выпустили 50 тыс. снарядов. Им удалось

захватить передовые редуты на подступах к ключевой позиции Севастополя – Малахову кургану. Обороняющиеся, потеряв около 5 тыс. убитыми, не выдержав массированного огня, вынуждены были оставить укрепления. Союзники в этом сражении потеряли 6247 человек.

Уже 5–6 июня союзники предприняли очередной штурм Севастополя по всему фронту. Но и на этот раз завладеть укреплениями им не удалось. При штурме французы потеряли 5 тыс. человек, англичане 1728, защитники – 5445 человек. «Геройство, – говорил Горчаков, – с коим наши войска отразили неприятеля, достойно полного внимания и признательности России. Русское оружие получило новый блеск. 6 июня есть день сражения при Ватерлоо и англичане весьма дурно его отпраздновали, лезли смело только одни французы».

Севастополь после бомбардировок был сильно разрушен. В городе совершенно не оставалось безопасных мест. Но он продолжал

жить и сопротивляться, неся тяжелые утраты.

28 июня на Малаховом кургане был смертельно ранен человек, который был душой обороны Севастополя, кавалер ордена Св. Георгия 2-й степени Павел Степанович Нахимов. Уже знакомый нам П. В. Алабин писал: «Нахимов умер!.. Уныло звонит колокол единственной севастопольской церкви, ему жалобно вторит колокол Корабельной стороны, эти печальные звуки, сливаясь в один общий потрясающий звон с редкими выстрелами орудий, несутся по бухте, будто стоны Севастополя над свежим прахом своего славного вождя, стремятся на ту сторону бухты, чтобы пронестись по обширному пространству нашего отечества, везде вызывая сердечные слезы, везде потрясая души горем и печалью...»

24 августа (5 сентября) началась шестая, самая мощная бомбардировка Севастополя. По городу стреляло 307 орудий. За время обстрела они выпустили 150 тыс. снарядов. Оборонительные укрепления в Севастополе

были разрушены. Ежедневные потери русских войск составляли 2–3 тыс. человек. 27 августа (8 сентября) 13 дивизий и одна бригада союзников (около 60 тыс. человек) начали штурм Севастополя, гарнизон которого в это время насчитывал 40 тыс. человек. Современник подробно описал бой на Малаховом кургане. «Расстояние от последней траншеи до рва бастиона было только 25 метров (36 шагов) – несколько прыжков для войны. Французы немедленно перенеслись через это пространство, не выдержав ни одного картечного выстрела, потому что все орудия, отвечая бомбардирующему врагу, были заряжены ядрами и бомбами. Перезарядить картечью не было времени. Кто успел – выстрелил, но направленные на батареи орудия послали свои снаряды через головы атакующих. Мало того: французы не выдержали ни одного ружейного выстрела, потому что кроме шгуцерников, стрелявших по траншеям, никого не было на банкете. Стоять на кургане целому

отряду людей, со взведенными курками и ждать момента штурма, не было возможности. А едва успел взвиться синий вымпел (знак тревоги), едва успел барабан ударить тревогу, как французы уже овладели куртиною и валом лицевой стороны бастиона и опрокинули, подавив своею многочисленностью, поспешно собравшиеся части Пражского полка. В тот же момент торжествующий неприятель, подкрепленный набежавшими со всех сторон товарищами, ободренный криками огромных резервных колонн, по накинутым лестницам переходивших ров и наводнявших курган, опрокинул все, что дерзало бороться с ним, и, штыками выбивая наших из-за каждого траверза, которыми изрезана была внутренность укрепления, занял всю верхнюю часть кургана до самой горжи его, которая, по несчастью, была сомкнута перехватывающим ее широким и глубоким рвом и прекрасно содержанным бруствером. Даже французы не дерзнули преследовать наших, остановленные батальным

огнем.

Главная часть кургана, господствовавшая над Севастополем, была во власти французов, только самая башня еще держалась. В ней засели несколько смельчаков офицеров с толпою удальцов и сквозь ружейные амбразуры нижней, неразрушенной части башни и полузаваленные двери очищали меткими выстрелами всю площадку перед историческою башнею. Никто не смел безнаказанно даже пробежать мимо нее. Только большой огонь и дым заставили сдаться смельчаков».

Свои впечатления о штурме Малахова кургана оставил и один из английских офицеров. Он записал: «Я находился рядом с одним из наших генералов, что стоял, глядя на часы, когда ровно в полдень французские барабаны и рожки дали сигнал к атаке и 50 тыс. солдат с кличем «Слава императору!» на устах устремились, возпавляемые зуавами, к Малахову кургану. Будто пчелиный рой или, верней, будто волна на отвесную скалу, бросились они вперед.

С наших передовых укреплений открывался великолепный вид. Зрелище было величественное и ужасное. Затихающие возгласы атакующих свидетельствовали о том, что они продвигаются все дальше и дальше. Штурмовые колонны почти полностью скрылись под завесой дыма и огня, но продолжали наступать, осыпая защитников выстрелами. Они знали, на что идут, и не считались с потерями.

В четверть первого, под дружное «ура», перекрывшего даже грохот стрельбы, над поверженными укреплениями гордо взметнулось французское знамя.

Пришел наш черед. Долгие месяцы мы ждали этого дня, ждали с нетерпением; нам предстояло тяжелое испытание. Как только французский флаг показался над Малаховым наши штурмовики... (более 1000 человек) рванулись вперед. Под громкое британское «ура» мы продвигались вперед, хоть противник и открыл ужасный огонь, осыпая нас градом пуль

и картечи; залпы эти косили нас целыми ротами. Мы атаковали во фронт, перемахнули через парапет и бросились на окровавленные стены Редана, преодолев двести ярдов под убийственным дождем пуль и картечи. Бедные наши парни падали друг на друга, но только смерть могла остановить атакующих... Внутри закипела ожесточенная борьба – в дело шли штык и приклад, руки и ноги. Вражеские пушки тотчас были заклепаны... но русские продолжали сопротивляться... Силы наши таяли на глазах. Поле брани стало красным от нашей крови. Проникнув на Редан, наши штурмовики были атакованы полчищами русских, но сдержали их штыки. Но, потеряв много офицеров и солдат в конце концов, вынуждены были отступить... Надолго запомнилась нам ночь. Несколько мощных взрывов всколыхнули наш лагерь; никто не мог понять, в чем дело. Позже выяснилось, что русские отступили, взорвав напоследок свои мощные укрепления и склады».

Таким образом, после упорных боев англо-французские войска овладели Малаховым курганом. Российские войска оставили Южную сторону, переправились (по наплавному мосту и на плавсредствах) на Северную сторону, а затем соединились с армией Д. М. Горчакова. Горчаков сообщал императору: «27 августа (8 сентября) в 10 часов утра. Войска Вашего и. в. защищали Севастополь до крайности, но более держаться в нем за адским огнем, коему город подвержен, было невозможно. Войска переходят на Северную сторону, отбив окончательно 27 августа шесть приступов из числа семи, поведенных неприятелем на Западную и Корабельную стороны, только из одного Корнилова бастиона не было возможности его выбить. Враги найдут в Севастополе одни окровавленные развалины».

Уцелевшие собрались на Северной стороне. Современник так описывает, что там происходило: «Со всех сторон стекаются к одному пункту, будто тени, толпы людей в

изорванных одеждах, в крови, в грязи, закоптелые, в боевом дыму. Одни едва бредут, чуть не падая под тяжестью оружия – до того измучены они; другие несут десятки мертвых, третьи тащат изможденных страдальцев, облитых кровью, с оторванными членами; иные везут на руках тяжелые пушки; там на узком мосту режут построжки у запряженных под орудия лошадей, и молча, пасмурно, перекрестясь, сталкивают орудия в море, будто хоронят любимого товарища. Все пасмурно, всех гнетет свинцовое горе, и если из чьих уст вырвется слово-другое, это слово проклятия, командный крик начальника или страдальческий вопль умирающего!»

Планомерный отход русской армии с артиллерией и тылами в течение одной ночи явился беспрецедентным случаем в истории войн.

В боях за Севастополь противник потерял около 73 тыс. человек. Потери русских составили около 102 тыс. человек. За время 349-дневной обороны Севастополя было совершено

немало подвигов «отличной храбрости, необыкновенного хладнокровия и деятельной распорядительности», 111 офицеров, адмиралов и генералов, а также один священник получили 17 орденов Св. Георгия 3-й степени и 95 – 4-й. Десятки тысяч награждены различными знаками отличия.

В ходе обороны Севастополя погибли 12 кавалеров ордена Св. Георгия, получившие эту награду за оборону главной базы Черноморского флота.

Кавказский театр военных действий

В ходе Крымской (Восточной) войны союзные войска сосредоточились не только в Крыму. Английские корабли появлялись на Белом море и обстреливали Архангельск. Были они на Балтийском море и на Дальнем Востоке. Но кровопролитные бои разгорелись на Юге: в Крыму и на Кавказе.

На Кавказском театре войны боевые действия начались 27 октября 1853 г. Почти 500-километровая Кавказская пограничная линия была прикрыта слабо укрепленными, лишенными значительных фортификационных сооружений и слабыми по огневой оснащённости крепостями. Значительно усложнял оборону Закавказья горный характер театра боевых действий. В середине октября 1853 г. по инициативе Нахимова на Кавказское побережье была переброшена

13 пехотная дивизия (более 16 тыс. человек) с артиллерией. Общевойсковой корпус достиг численности 30 тыс. человек. Командовал корпусом генерал-лейтенант В. О. Бебутов. К тому же много внимания уделялось созданию иррегулярных военных формирований из местного кавказского населения. Говоря о народах Кавказа, генерал Фадеев писал: «Эти племена от возраста привыкли выставлять ополчение, а большая их часть через свою воинственность выставляет его даже с готовностью, если только русское начальство принимает в надлежащее внимание местные обычаи и туземную общественную иерархию». Обычно российское правительство при наборе добровольцев, как правило, делало ставку на христианское население Грузии, но перед угрозой османского завоевания и часть мусульманского населения добровольно выступила на стороне России.

В Азербайджане особенно интенсивно проводились мероприятия по созданию

национальных конных ополчений. Согласно распоряжению генерального штаба в 1854 г. были сформированы конные мусульманские отряды. В битвах русских войск против турецкой армии приняли участие до 12 тыс. грузин, азербайджанцев и армян. В кампании 1855 г. в составе Отдельного Кавказского корпуса воевало 30 тыс. воинов, представлявших многие народы Кавказа.

Вооруженные силы Турции на Кавказе состояли из регулярной действующей армии, резервов, иррегулярных войск и вспомогательного контингента. На Кавказском театре в начале войны действовал Анатолийский корпус, иррегулярные войска (башибузуки – «головорезы») и вассалы султана, всего 60 тыс. человек. Серьезную ставку союзные силы делали на войска имама Шамиля, которые уже долгие годы оказывали сопротивление российской армии. Союзники рассчитывали, что отряды Шамиля откроют второй фронт против России. «Кавказ – это

вавилонская башня фанатизма, и для устранения россиян из Закавказья необходимо западным цивилизаторам подать руку помощи кавказскому пророку и, подчинив все Закавказье Турции, поставить над ним валия или султанского наместника в лице Шамиля», – писали английские газеты во время Крымской войны. На Северный Кавказ прибывали десятки турецких и английских агентов с письмами и призывами к «священной войне» против России. Обсуждался даже вопрос об использовании сил Шамиля в Крыму. Английский кабинет, больше всего заинтересованный в том, чтобы вытеснить Россию с Кавказа, предлагал выполнить эту нелегкую операцию французским и турецким союзникам. Сами же англичане отказывались от участия в военных действиях на Кавказе. Летом 1854 г. английский министр иностранных дел Дж. Каннинг писал: «Мне кажется, что Шамиль – это фанатик и варвар, с которым не только нам, но и Порте будет тяжело установить какие-то удовлетворительные отношения». Однако все

попытки обеспечить этого возможного союзника оружием и деньгами, которые делались английскими и французскими эмиссарами, закончились неудачей. Во время войны фактически не удалось наладить с ним серьезные политические контакты.

При этом весть о российско-турецкой войне активизировала почти угасшую на начало 50-х гг. XIX в. военную деятельность Шамиля. Кавказское командование было сильно обеспокоено чеченско-дагестанской проблемой в связи с военными операциями, которые должны были развернуться в Закавказье. Возникали серьезные опасения, что Шамиль ударит в тыл армии, действующей против турок. Князь Воронцов писал князю Долгорукову в декабре 1853 г.: «Фанатизм горцев разгорается, и возникает надежда на освобождение от нашего властвования. Это дает повод ожидать усиленных и единодушных действий против нас, направленных предводителями их — Мухаммед-Эмином и Шамилем».

Имам же определенные надежды на изменение обстановки на Кавказе связывал с гибкостью своей внешней политики. Так, исследователи отмечают, что Шамиль не исключал возможности превратить Россию из своего врага в союзника.

За год или два до начала Восточной войны, по словам Шамиля, на Кавказе распространились слухи, которые передавались в виде пророчества, о том, что скоро появятся войска турецкого султана вместе с войсками других государств, которые вытеснят россиян и передадут полную власть над всем Кавказом султану. Шамиль в марте 1853 г. писал султану: «Милостивый и Большой халиф, мы, твои подданные, уже много лет ведем борьбу с врагами нашей веры, и сил наших больше не имеем... Нам, твоим подданным, из года в год столько пришлось вынести, что не осталось чем противостоять врагу. Мы все потеряли, и никогда нам не было так плохо».

Перед началом войны турецкий султан

обратился к Шамилю со следующим посланием: «...Россияне нарушили договор, который существовал между ними и мной; из этого видно, что они хотят опозорить религию ислама... ты с рождения пронялся благоговением к религии, ты к сим порам праведно воевал за нее по своей воле, без всякой награды... я предрасположу к тебе приказом население из следующих мест вместе с ханами и беками: Тифлис, Ереван, Нахичевань, Дербент... ты имеешь объединить их со своими дагестанскими силами и выгнать россиян из наших поселений... <...> Я буду стараться создать тебе большую славу о твоей храбрости и умении... С моей стороны ты получишь большие награды за услуги...»

Шамиль за два месяца до начала войны, пользуясь разбросанностью малочисленных российских войск на Лезгинской линии, вторгся в районы Кахетии. Это вызвало серьезное беспокойство российского командования. Свидетель тех событий писал: «Поход Шамиля

мог привести к серьезным последствиям в войне, кроме явного противника, у нас был и тайный, в лице массы мусульманского населения. Любой, даже незначительный успех Шамиля мог послужить искрой и привести к взрыву. Азиатские народы очень легковверные и легкомысленные; но вместе с тем они, что называется «себе в голове». Большинство из них всегда ожидало начальных результатов действий: оказывался успех на нашей стороне – они появлялись с поздравлениями и готовностью на всяческие услуги, заверяли в искренней преданности и не жалели сильнейших высказываний; при малейшей нашей неудаче – они оказывались в рядах противника, и плохо приходилось, если нас было мало или, еще хуже, мы не обеспечили себя с тыла».

В начале войны имам получил предложение соединиться с союзными войсками в Имеретии. Но к лету 1854 г. он не начал военных действий. Лишь в июле 1854 г. Шамиль

совершил серьезную вылазку. Главная цель ее состояла в прорыве к богатой Кахетии, чтобы улучшить материальное положение имамата. Выполнение этой задачи облегчалось тем, что наместнику М. С. Воронцову в условиях войны большую часть Кавказского корпуса с Северного Кавказа пришлось перекинуть на границу с Турцией в Закавказье.

Начиная поход в Кахетию, Шамиль объявил о своем намерении идти на соединение с турецкими войсками. Однако, несмотря на его подобострастные письма к султану, он не собирался официально принимать покровительство Турции, терять независимость и свое положение главы исламского движения на Кавказе. Во время войны он выступал лишь в качестве военного, причем довольно ненадежного союзника Турции. В июне 1854 г. он с 15-тысячным войском подошел к поселку Шильди. В результате налета были сожжены 15 поселков, убиты 95 мирных жителей, взято в плен около 700 человек, уведено 3,5 тыс. голов

скота, захвачено имущества на 210 тыс. рублей серебром, 16 тыс. рублей ассигнациями. Общий ущерб составил приблизительно 353 тыс. рублей. Население уезда серьезно пострадало. Считая богатую добычу важным результатом кахетинского набега, Шамиль в то же время признавал, что не смог глубоко проникнуть в Закавказье из-за сопротивления грузинских князей, а также из-за того, что россияне, поняв его планы, укрепили оборону Восточной Грузии. Между тем, действия Шамиля не получили одобрения союзников, именно тогда английский посланник в Турции назвал Шамиля «фанатиком и варваром».

Сомнения Шамиля в целесообразности присоединения к турецким войскам усилились, когда он с удивлением узнал о состоянии дел под Севастополем. Шамиль прокомментировал ситуацию так: «Стыдно им [Англии, Франции, Турции]! За восемь месяцев три царя не могут получить одну крепость!» Сыграло роль и то, что как фанатичный мусульманин Шамиль не

прощал нарушений религиозных канонов никому, даже падишаху. Имам не верил в его благочестие и в богоугодность установленных им в своей стране порядков. С начала Крымской войны Порта сделала достаточно, чтобы Шамиль утвердился в своем скептическом отношении к ней. С началом турецкой закавказской кампании он ясно дал понять, что желает получить официальное приглашение участвовать в союзе и точные сведения о стратегических планах турок. Но четкого ответа не поступило, частично потому, что турки и сами не знали, как им действовать на азиатском театре войны. Как суверенного владыку Шамиля задел и тот факт, что султан лишь однажды (6 октября 1853 г.) обратился к нему лично. Во всех других случаях с имамом вели переписку второстепенные фигуры – представители османского военного командования в Малой Азии и на Черноморском побережье Кавказа. Они требовали, чтобы Шамиль признал себя вассалом султана, прислали ему даже турецкие

генеральские эполеты, но это только его разгневало: он хотел быть самостоятельным правителем, а не вассалом.

Как это ни покажется удивительным, во время войны отношение Шамиля к России заметно смягчилось. От военных неудач стремительно ухудшалось экономическое состояние в имамате. Шамиль должен был отказываться от крупных стратегических операций ради грабительских рейдов, чтобы прокормить армию. Имам осознал бесперспективность своей ориентации на Турцию.

Все чаще в рядах русской армии появлялись перебежчики – представители горных народов. Современник пишет, что «борьба большинству населения уже начинала становиться не по силам, тем более что ни результатов от нее, ни близкого конца ее не было видно. Лучшие земли ближе к Аргуну и Сунже переходили под власть России и заселялись казачьими станицами или же, благодаря системе широких просек,

приоткрывались для свободного набега наших войск, уничтожавших все посеы и запасы. Все дальше и дальше оттесненные таким образом к горам, в менее плодородные места, вынужденные покинуть только что оборудованное жильё, плод своей работы и единое средство существования, и снова в новых лесных массивах вырубать участки для посевов, каждый час ожидая нападения, которое заставит отойти ещё дальше, много чеченцев, особенно тех, кто был лично недоволен Шамилем или его соратниками, решались предать дело мюридизма и перейти на поселение в места, уже совсем занятые россиянами, таким образом покоряясь нам». Конечно, такое переселение поощрялось со стороны России: переселенцы не облагались никакими налогами и повинностями. Таким образом у Шамиля отбирали его бойцов, подрывали его авторитет у населения. Все меньше действовали угрозы и обещания сторонников Шамиля скорого изгнания россиян

с Кавказа. Случалось, что Шамиля покидали его ближайшие соратники.

Очень точно описал позицию горцев Северо-Западного Кавказа в своих воспоминаниях Ф. Ф. Торнау: «Кавказские племена, которые султан считал своими подданными, никогда ему не подчинялись. Они признавали его как наследника Магомета и падишаха всех мусульман своим духовным руководителем, но не платили дани и не выставляли солдат. Турок, которые занимали несколько крепостей на морском побережье, горцы терпели у себя по праву единоверия, но не допускали их вмешиваться в свои внутренние дела и дрались с ними, а лучше сказать, били их без всякого сожаления в случае всякого подобного вмешательства».

Таким образом, события показали, что в это время положение России на Северном Кавказе было настолько прочным, что, несмотря на перевод из этого района части военного контингента на турецкую границу, русским не

грозил удар в спину.

Николай I требовал немедленного наступления Действующего кавказского корпуса на главную турецкую крепость – Карс. Но командующий корпусом генерал В. О. Бебутов был против этой авантюры. Он считал, что в тот момент русские войска были слабее турецких и взять приступом Карс не смогут. Он решил дожидаться противника и разбить его в поле.

Турки первыми начали свое наступление и сначала добились некоторого успеха. Тогда они решили наступать на Тифлис (Тбилиси). Но 18 ноября 1853 г. их авангард в Боржомском ущелье был разгромлен.

Это создало благоприятную обстановку для дальнейших боевых действий россиян. 19 ноября 1853 г. отряд под командованием генерала Бебутова атаковал 38-тысячный турецкий корпус на правом берегу реки Маврякчай в районе сел Баш-Кадиклар, Орта-Кадиклар и Аян-Кадиклар. Когда русский отряд подходил к высотам, командующий турецким корпусом

Ахмет-паша, объезжая фронт своих войск, заявил: «...Для чего нам биться, когда нас приходится по четыре мужчины на одного. Свяжем их и повезем к Карсу!» Однако похвальба турецкого командира оказалась пустой. Российские войска нанесли туркам серьезное поражение. В Карс возвратилось не более 20 тыс. человек, в то время как потери русских составили 1,5 тыс. человек.

Но до победы было еще далеко. Российское командование боялось возможной высадки иностранного десанта на протяженной линии Черноморского побережья. В начале лета 1854 г. почти все береговые укрепления здесь были ликвидированы. Остались только важнейшие форпосты: Новороссийск, Суджук-кале, Геленджик, Анапа. Отсюда войска могли быть выведены в любое время сухим путем.

К лету 1854 г. Оттоманской империи ценой крайнего напряжения сил удалось восстановить численность своей армии, которая почти втрое (120 тыс. против 40 тыс.) превосходила

Действующий русский корпус. Вскоре началось наступление Батумского корпуса турок (40 тыс. человек) на Тифлис. В начале июня 1854 г. его авангард вторгся в Грузию и двинулся на Кутаиси. Однако турецкие войска встретили решительный отпор со стороны российской армии и потерпели ряд сокрушительных поражений. В июле же в направлении Еревана выступил 20-тысячный Баязетский турецкий корпус. Навстречу ему выдвинулся Ереванский отряд под командованием генерала К. К. Врангеля. Бой разгорелся на Чингальских высотах (горном перевале на российско-турецкой границе). Турецкий отряд, понеся большие потери, вынужден был отступить. 19 (31) июля жители Баязета сдали российским войскам свою крепость. Угроза со стороны Баязета была ликвидирована.

Затем в наступление перешел и 20-тысячный Александропольский отряд В. О. Бебутова. Отряд находился в 15 километрах от Карса, лагеря главных сил турок. Наступление

было назначено на 5 августа. Но в этот день на российские войска двинулся 60-тысячный турецкий корпус, которым командовал французский генерал. Состоялся бой под Кюрюк-Дара. Благодаря тактике и мастерски выполненным маневрам российские войска одержали умелую победу. Турецкая армия потеряла более 20 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными. После этого поражения турки уже не вели активных действий в Закавказье. Военные действия были перенесены на турецкую территорию.

Английский военный советник, полковник Ф. Вильямс разработал стратегический план военных действий для турок на 1855 г. Он заключался в том, чтобы сосредоточить силы преимущественно в Карсе, Эрзеруме, Батуми и двухтрех крепостях, которые перекрывают важнейшую артерию на Ближнем Востоке – Трабзон – Тебриз.

24 октября 1854 г. князя М. С. Воронцова

освободили от обязанностей наместника Кавказа. Десятилетие его управления на Кавказе нельзя назвать положительным. Его стремление покорить край, завоевать горцев, переселить их, а на их место поселить русских вызывало противодействие со стороны местного населения, что ослабляло силу русской армии в войне с Турцией. Исполнять обязанности наместника стал генерал от кавалерии Н. А. Ред, «человек уважительный и заслуженный, но который был мало знаком с Кавказом и не имел авторитета». Фактически все нити управления оказались в руках молодого и энергичного начальника штаба князя О. И. Баратынского. Командовать действующим корпусом на кавказско-турецкой границе продолжал князь В. О. Бебутов.

29 ноября 1854 г. пост кавказского наместника получил граф Н. Н. Муравьев. Назначая его наместником, император полагался на его опыт. В воспоминаниях Д. А. Милютинина о Н. Н. Муравьеве мы читаем: «Он с первых

шагов оставил невыгодное впечатление... Все существующие на Кавказе порядки, все то, что издавна вошло в обычаи старых кавказцев, осуждалось генералом Муравьевым, признавалось распущенностью, нерадением к службе. Подозревая многих в злоупотреблениях, он многих обидел своими затеями, резкостью тона и высказываний. Поставил себе задачу, — как говорили в те времена, — «подтянуть», «прибрать к рукам» — он вызвал общее неудовольствие своими крутыми мероприятиями, тем формализмом и педантизмом, которые антипатичны для кавказцев». Кроме того он обвинил Ермолова в бездеятельности армии. Князь Д. И. Святополк-Мирский (будущий член Государственного Совета, генерал-адъютант) выступил против действий наместника. Он писал: «Нет, не стали немощными и бессильными те войска, которые победили многочисленных врагов... Нет армии, в которой чувство самопожертвования было бы таким развитым. Здесь каждый фронтовой

офицер, каждый солдат уверен, что не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра он будет убит или покалечен. Много ли в России кавказских ветеранов? Их там почти нет, кости их разбросаны по всему Кавказу...»

В феврале 1855 г. возле северо-восточных берегов Черного моря активизировал свои действия англо-турецкий флот. Было уничтожено несколько населенных пунктов и приморских постов. 28 февраля (12 марта) подвергся бомбардировке Новороссийск, но гарнизону города удалось отразить нападение. В мае союзники блокировали Анапу и Новороссийск. Русская армия разрушила слабые укрепления городов, оставила их, вывезя ценности.

Основные усилия российских войск сосредотачивались на взятии «грозной твердыни», крепости, которую считали неприступной, – Карсе. Она располагалась на главном оперативном направлении Кавказского театра и прикрывала коммуникации, которые

вели в тыл турецкой армии и дальше к Константинополю. На начало военной кампании 1855 г.

Карс представлял собой большой укрепленный лагерь, построенный английскими инженерами по всем правилам военно-инженерного искусства того времени. Здесь находилась основная часть турецкой армии.

К маю 1855 г. основные силы российской армии сосредоточились на турецкой границе. Одна из групп (24 500 человек) под командованием генерал-лейтенанта Бриммера располагалась под Александрополем; вторая (10 тыс. человек) – под командованием генерал-лейтенанта Ковалевского – в Ахалцихе и в Ахалкалаке; третья (5 тыс. человек) – под командованием генерал-майора Сулова – в Ереванской губернии, у подножия г. Арарат. Отдельный Гурийский отряд (11 тыс. человек) под командованием генерал-майора Багратиона должен был прикрывать тылы армии. В составе всех армий находились добровольцы из

местного населения.

В июле 1855 г. главные силы Отдельного Кавказского корпуса подошли к Карсу. План генерала Н. Н. Муравьева состоял в том, чтобы часть российских войск блокировала Карс, а остальные оттеснили небольшие турецкие отряды к Эрзеруму, не допуская таким образом подвоза продовольствия к крепости. (Это должно было заставить гарнизон Карса капитулировать.)

Командующий турецкими войсками в Крыму Омар-паша направил часть войск в помощь кавказкой армии. 2 сентября 1855 г. 8 тыс. турок высадилось в Батуми. В такой ситуации генерал Муравьев принял решение о штурме и взятии Карса. 17 сентября 1855 г. Муравьев приказал штурмовать хорошо укрепленный город, гарнизон которого составлял около 20 тыс. человек (в распоряжении Муравьева было около 21 тыс.). Турки выдержали штурм, убив и ранив при этом 7226 человек.

О неудачном штурме Карса осажденные сообщили в Константинополь. Султан приказал отчеканить памятную медаль, а новый турецкий пароход получил название «Карс». В официальных документах отмечалось: «Этот бой важнее, чем под Силистрией, а победа имеет большее значение, чем под Севастополем».

Однако неудача при штурме Карса не сломила дух российских войск. Командование приняло решение приступить к осаде города. Отряды казаков и их разъезды сделали невозможной любую помощь крепости со стороны. Омар-паша, однако, старался оказать помощь осажденным. 25 октября (6 ноября) 1855 г. турецкие войска двинулись из района Сухуми в сторону Кутаиси. Но погодные условия не позволяли турецким войскам быстро продвигаться. 23–25 октября 1855 г. на р. Ингури им оказал сопротивление отряд И. Н. Багратиона. Однако туркам удалось прорваться в Мингрелию. Теперь опасность стала угрожать Имеретии и Гурии. Омар-паша старался

склонить на свою сторону правительницу Мингрелии Екатерину Дадиани, но она осталась верна России. В Грузии же развернулось настоящее партизанское движение. «В Мингрелии, – сообщал Омар-паша, – часть населения выступила с оружием в руках (против нас)». Местные жители, по свидетельству английского советника при Омар-паше Л. Олифанта, «имели вид неудовлетворенный и гневный, особенно когда люди в фесках появлялись возле двери их дома, они отказывались поставлять им что-то большее, чем стакан воды или огонь для трубки».

Гарнизон Карса (16 тыс. человек), которому не хватало продовольствия, где каждый день умирало до полутора сотен человек, не дождавшись помощи, 16(28) ноября 1855 г. капитулировал.

25 ноября 1855 г. Омар-паша, получив вест о падении Карской крепости, начал отступление из Мингрелии. Подвижные отряды мингрелов под общим командованием Григория Дадиани и

Дмитрия Шервашидзе начали преследование турецкой экспедиционной армии. В марте 1856 г. войска Омар-паши вынуждены были полностью оставить территорию Мингрелии.

Сдача Карской крепости ускорила окончание войны. То, что войска овладели ключевой стратегической позицией в Малой Азии, облегчало задачу русской дипломатии. Появилась возможность в случае начала мирных переговоров использовать Карс и Карский регион в качестве компенсации и предмета обмена.

Парижский конгресс

12 (25) февраля 1856 г. в столице Франции Париже открылся мирный конгресс. В его работе принимали участие Россия, Франция, Англия, Австрия, Турция, Сардиния и Пруссия. Председательствовал на заседании французский министр иностранных дел граф А. Валуевский. Делегацию России представляли граф А. Ф. Орлов и барон Бруннов. Английскую делегацию возглавил министр иностранных дел граф Кларендон. Конгресс протекал в трудных для России условиях не столько в связи с ее военным поражением в Крыму, сколько из-за дипломатического единства Англии и Австрии. Попытка русской делегации опереться на Францию удалась не совсем. Английская делегация активно стремилась ослабить Россию на Черном море. Англичане выступали с планами продолжения войны. Однако Наполеон III начал склоняться к миру и сближению с

Россией, понимая, что Англия в будущих битвах хотела отстоять честь своего оружия, ведь в Крымской войне победные лавры достались французам, и англичане лишались возможности диктовать свои условия России на переговорах. Конечно, оставались и главные – колониальные мотивы. Франция считала, что главная задача – подрыв русского могущества в черноморском бассейне – была выполнена, и не желала продолжать войну ради британских интересов на Кавказе. За прекращение войны выступали и в самой Англии. Принц Альберт, муж королевы Виктории, который в целом поддерживал внешнеполитический курс Дж. Пальмерстона, в то же время отмечал, что, если ответственность за срыв переговоров о перемирии падет «на нашу страну, ее позиция станет в высшей мере опасной». Британский премьер вынужден был отступить.

Турция, вместе с английским послом в Стамбуле Страт-фордом-Редклиффом, составила меморандум по кавказскому вопросу, который

предусматривал «исправление» русско-турецкой границы. В ходе переговоров российской делегации при поддержке Франции удалось избежать обсуждения вопроса о границах и отвергнуть вмешательство Англии в кавказскую проблему. Таким образом, благодаря победам Кавказского корпуса, русским дипломатам удалось значительно смягчить статьи Парижского договора и в целом неудачу всей Крымской войны. В вопросах о территориальных потерях России был достигнут компромисс. Обсуждение проблемы Дунайских княжеств протекало в благоприятном для России направлении. Франция, как и Россия, отвергла притязания Австрии на эти провинции.

30 марта 1856 г. договор был подписан. Его многоаспектность означала создание определенной системы обязательств, принятых, с одной стороны – Россией, с другой – западноевропейскими державами и Турцией, т. е. знаменовала образование так называемой Крымской системы.

Статья 3 договора предписывала российскому императору возвратить Турции город Карс с цитаделью «и прочие части Османской империи, занимаемые российскими войсками». Согласно статье 4, «российские города и порты: Севастополь, Балаклава, Камыш, Евпатория, Керчь-Еникале, Кинбурн, а равно и прочие места, занимаемые союзниками», возвращались России.

Крымская система основывалась на принципе нейтральности Черного моря, что и стало основным содержанием договора. Все черноморские державы лишались права иметь здесь свой военно-морской флот, военные арсеналы и крепости на его побережье. Статья 11 договора гласила: «Черное море объявляется нейтральным: открытый для торгового мореплавания всех народов вход в порты и воды оно формально и навсегда воспрещается военным судам, как прибрежных, так и всех прочих держав, с теми токмо исключениями, о коих постановляется в статьях...» Еще одна

статья определяла: «Не может быть нужно содержание или учреждение военно-морских на берега одного арсеналов, как не имеющих уже цели, а посему е. в. император всероссийский и е. в. султан обязуются не заводить и не оставлять на сих берегах никакого военно-морского арсенала».

Также по условиям Парижского договора Россия теряла южную часть Бессарабии, которая присоединялась к Молдавии, лишалась права покровительства Дунайским княжествам и Сербии.

Список литературы

1. Алабин П. В. Походные записки в войну 1853–1856. Ч. 2. – Вятка, 1861.

2. Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. В 3 т. – СПб., 1877.

3. Бороздин К. А. Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 г. – СПб., 1885.

4. Борьба империй. «Крупный стол», посвященный причинам, итогам и последствиям Крымской войны. (Среди участников: А. Кухарук, О. Айрапетов, М. Шевченко, А. Смирнов и др.). /Семья. – 1995. – № 4.

5. Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Г.; Л., 1939.

6. Восточная (Крымская) война 1853–1856 годов: Новые материалы и новое осмысление. Материалы международной научной конференции. (Севастополь, 16–19 октября

2003 г.). В 2 т. – Симферополь, 2005.

7. Георгиев В. А., Киняпина Н. С., Панченкова М. Т., Шеремет В. И. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – нач. XIX в. – Г., 1978.

8. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 50-е гг. XIX века. Сборник документов. – Махачкала, 1959.

9. Достойный поколения. Учебное пособие. – Симферополь, 1996.

10. Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. – Т. 1. – СПб., 1900.

11. Жемчужников Л. М. Мои воспоминания из прошлого. – Л., 1927.

12. Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. В 2 т. – СПб., 2002.

13. Ибрагимбейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. —М., 1971.

14. История дипломатии. Сост. Б. Я. Галина, Гутерман Э. А., Кашеницкий Б. А., Мендельсон В. И. – М., 1959.

15. Кавказские горцы. Сборник сведений издаваемых с сопроизволения его императорского Высочества, Главнокомандующего Кавказскою армиею, при Кав. Гор. Управлении. – Г.: МНТПО «Адир», 1992.

16. Крымская война 1853–1856 (неизвестные страницы) // Родина. Российский исторический журнал. – 1995. – № 3–4.

17. Милютин Д. А. «...Мы приняли вызов Западной Европы не подготовленными к предстоящей борьбе». / Военно-исторический журнал. – 1996. – № 4.

18. Муравьев Н. Н. Война за Кавказом в 1855 г. – В 2 т. – СПб., 1877.

19. Русский военно-исторический словарь. – М., 2002.

20. Тарле Э. В. Крымская война. В 2 т. 2-е изд., испр. и доп. – Е; Л., 1950.

21. Хибберт К. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. – М., 2004.

22. Шеремет В. И. Османская империя и

Западная Европа. Втор, треть XIX века. – М.,
1986.

---

notes

Примечания

Нессельроде К. В. был министром иностранных дел России в период с 1816-го по 1856 год.

Владимир Алексеевич Корнилов родился в семье офицера военно-морского флота, с отличием закончил Морской корпус, проходил службу под командованием М. П. Лазарева. В 1832 г. Лазарева переводят на Черное море, и он берет с собой В. А. Корнилова. Вскоре Корнилова назначают командиром брига. В 1840 г. молодой капитан 1-го ранга становится командиром 120-пушечного корабля «Двенадцать апостолов». В 1840–1846 гг. он руководит действиями десанта при рейдах к Кавказскому побережью. В 1846 г. Корнилова командировали в Англию, где он наблюдал за строительством паровых кораблей для Черноморского флота, а также изучал состояние флота Англии.

С 1849 г. Корнилов – начальник штаба Черноморского флота. Он выступал за замену парусных кораблей на паровые, написал для

флота ряд руководств и наставлений, участвовал в разработке Морского устава. Командуя отрядом паровых кораблей, Корнилов содействовал адмиралу П. С. Нахимову в разгроме турецкого флота в Синопском сражении.

Павел Степанович Нахимов родился 5 июля 1802 г. в селе Городок Вяземского уезда Смоленской губернии. В 1818 г. окончил Морской кадетский корпус, служил на Балтийском флоте. В 1822–1825 гг. совершил кругосветное плавание вахтенным офицером на фрегате «Крейсер». Командуя батареей на линейном корабле «Азов», П. С. Нахимов участвовал в Наваринском морском сражении 1827 г. Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. командовал корветом «Наварин». В 1834 г. переведен на Черноморский флот и назначен командиром линейного корабля «Силистрия». Затем Нахимов командовал бригадой, дивизией, а с 1854 г. Черноморской эскадрой. Корабли эскадры несли боевую службу у Кавказского побережья, пресекая попытки турок и англичан подорвать позиции России на Кавказе и на Черном море.